

Александр Дианин-Хавард

Второе издание, исправленное и дополненное.

Для получения печатной версии пишите –

volkov@hvli.org

СОТВОРЕННЫЙ ДЛЯ ВЕЛИЧИЯ

лидерство как жизненный идеал

УДК 30
ББК С 60

ISBN 978-5-9903292-1-8

©Александр Дианин-Хавард

«Сотворенный для величия» – это углубление и раскрытие «Нравственного лидерства» (2007), первой книги Александра Дианина-Хаварда. Автор показывает, что лидерство – это не просто нравственное упражнение, а жизненный идеал, поскольку специфические качества лидера – величие и служение – обладают мощным экзистенциальным зарядом, проникающим в самые глубины человеческих сердец.

Александр Кириллович Дианин-Хавард – автор Системы Нравственного Лидерства и основатель Института Нравственного Лидерства. Александр Кириллович – автор четырех книг: «Нравственное лидерство» (2007), «Сотворённый для величия» (2011), «Мой русский путь» (2014) и «От темперамента к характеру» (2018). Эти книги переведены на десятки языков. Александр Кириллович – внук эмигрантов первой волны. Он родился и учился в Париже, работал адвокатом в Страсбурге и Хельсинки. С 2007 года живет в Москве.

Содержание

<i>От автора</i>	6
<i>Введение</i>	9
ГЛАВА 1. Идеал великодушия	15
Возвышенное видение самого себя	17
Добродетель, побуждающая к действию	20
Высшая форма человеческой надежды	22
Великодушие неотделимо от смирения	26
Очисти свои намерения	31
Великодушие и самооценка – это разные вещи	33
«Добродетель юности»	34
Всеобъемлющая добродетель	38
ГЛАВА 2. Идеал смирения	40
Дай другим возможность проявить себя	42
Пример компании «Мишлен»	44
Служение как жизненный идеал	47
ГЛАВА 3. Развитие нравственного чувства	49
Прислушивайся к голосу совести и повинуйся ему	50
Работай над собой более, чем над своими идеями	53
Работай над своим характером более, чем над своими манерами	57
ГЛАВА 4. Как возвращать великодушие	60
Ищи человека, настоящего человека!	61
Откликайся на призыв красоты	67
Открой свое призвание и будь верным ему	69
Узнай свой талант и умножь его	72
Вложи всю свою энергию в исполнение своей миссии	74
Не бойся неудач	76
Дай волю своему воображению	78
Скажи «нет» гедонизму	80
Скажи «нет» эгалитаризму	82
Ищи величие в самых обыденных ситуациях	84
ГЛАВА 5. Как возрастать в смирении	86
Осознай свою ничтожность (метафизическое смирение)	88
Осознай свою слабость (духовное смирение)	90
Осознай свое достоинство и величие (онтологическое смирение)	92
Осознай свой талант (психологическое смирение)	94
Осознай достоинство и величие других (братское смирение)	97
<i>Заключение</i>	100
<i>Постскриптум 1 – Средства</i>	102
<i>Постскриптум 2 – Ответы на критику</i>	116

В наше болезненное время, когда европейскими обществами обуяла лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят, сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце... Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанной цели.

Антон Павлович Чехов

От автора

В 1983 году, закончив третий курс юридического факультета, я покинул столицу Франции, чтобы провести незабываемый месяц в компании моей двоюродной бабушки Елены и ее сына Тамаза. Они жили в Тбилиси, столице тогдашней Советской Грузии.

В следующий раз я попал в Грузию только в 1990 году, когда СССР уже разваливался. К тому времени бабушка Елена умерла, и мне было очень больно видеть, что Тамаз никак не может оправиться от этой потери. Он любил свою мать, как никого другого в этом мире. Он ни на минуту не оставлял ее с того трагического дня 1937 года, когда его отец был арестован, а позднее расстрелян НКВД. В ту пору Тамазу было всего 10 лет.

Однажды вечером мы поехали на кладбище почтить память бабушки Елены. За рулем выдавшего вида «жигуленка» сидел Тамаз. Чем ближе мы подъезжали к кладбищу, тем эмоциональнее он становился. Стемнело. Начал накрапывать дождь. Мы ехали по скользкой и извилистой горной дороге.

Неожиданно Тамаз обернулся ко мне.

– Не боишься? – спросил он.

Словно стыдясь другого ответа, я твердо ответил:

– Нет!

К моему ужасу, Тамаз до отказа выжал акселератор. Я едва успел призвать на помощь своего ангела-хранителя. Автомобиль, будто на

крыльях, воспарил над пропастью, и через несколько секунд рухнул на надгробие горного кладбища. Ветровое стекло разбилось.

Нам понадобилась немалая ловкость, чтобы аккуратно вылезти из машины, – ведь она буквально висела в нескольких метрах от бездонной пропасти.

В полной тишине мы спускались с горы, не встретив на своем пути ни одной души. Неожиданно Тамаз сказал: «Надо же, ведь мы так и не доехали, куда собрались. И еще надгробия разрушили, которые не нам принадлежат».

Через час мы поймали попутку и добрались до Тбилиси. Было два часа ночи.

Я несколько дней размышлял над нашими ночными приключениями, которые закончились плохо, но могли бы закончиться еще хуже. По правде говоря, я разочаровался в Тамазе, но ничего ему не сказал. Более того, я понял, что этот 60-летний в ту пору мужчина уже очень давно – возможно, в тот момент, когда на его глазах арестовали отца, – потерял не только чувство ориентации в жизни, но и ощущение жизни как таковой.

Я часто думаю о Тамазе и о миллионах людей, в той или иной мере искалеченных тоталитарным идеологическим проектом XX века. Я размышляю о пустоте, разрушающей их сердца, а также о современной глобальной политике, которая, сосредоточившись исключительно на экономике, только усугубляет эти душевные раны.

Но я также думаю о тех людях, которые, в отличие от Тамаза, получили огромные таланты – свободу, мир, воспитание в добродетелях, – и

все-таки еще не полностью осознают свою ответственность перед Богом и людьми. К этим мужчинам и женщинам, молодым и не очень, обращена эта книга.

Введение

В своей книге «Нравственное лидерство», опубликованной в 2007 году, я изложил свое понимание лидерства. Оно заключается в следующем:

1. *Подлинное лидерство основывается на подлинной антропологии, т.е. на верном представлении о человеке.* Такое представление должно включать в себя аретологию – науку о добродетелях, – иначе оно будет неверным. Добродетель – это благородная привычка ума, воли и сердца, позволяющая человеку достичь личного совершенства и личной эффективности. Говорить о лидерстве – значит говорить о добродетели, потому что, во-первых, добродетель порождает доверие, без которого лидерство просто невозможно; а во-вторых, добродетель – это динамичная сила, увеличивающая способность лидера к действию; об этом свидетельствует первоначальное значение латинского слова *виртус* (добродетель) – энергия. Добродетель позволяет лидеру делать то, чего мы от него ожидаем.

2. *Великодушие и смирение, которые являются в основном добродетелями сердца – это сущность (специфика) лидерства.* Великодушие (греч. мегалопсихия, лат. магнанимитас) чаще всего означает щедрость души, готовность бескорыстно жертвовать своими интересами для других. Но у этого термина есть и другое значение: великодушен тот, кто устремлен к великому. В нравственном лидерстве мы употребляем термин «великодушие» только в этом последнем

смысле. Великодушие лидера – в осознании и утверждении его собственного достоинства, в его мечте и в его миссии; в его вере, в его рвении, в его надежде и смелости; в том, как он раскрывает таланты в себе и других; в том, как он строит свою личность и личность окружающих; в том, как он вдохновляет, возвышает и воспитывает людей. Лидер великодушен и смиренен. Смирение – это привычка жить в истине по отношению к Богу (осознание нашего тварного бытия), к самому себе (осознание нашей силы и нашей слабости), к другим (служение людям). В нравственном лидерстве мы употребляем термин «смирение» чаще всего в этом последнем смысле. В лидерстве под смирением подразумевается служение. Лидер привлекает, а не подталкивает; учит, а не приказывает; вдохновляет, а не распекает. Лидер – не тот, кто проявляет власть над другими, а тот, кто дает другим возможность проявить себя. Последователи лидера – это люди, которым он служит. Великодушие и смирение – это *специфичные* добродетели лидера; вместе они составляют *сущность* (специфику) лидерства.

3. *Добродетели благоразумия, справедливости, мужества и самообладания, которые являются, в основном, добродетелями ума и воли, – это фундамент (опора) лидерства.* Благоразумие помогает принимать верные решения; мужество помогает рисковать и держаться избранного курса; самообладание помогает подчинять эмоции духу и вложить их жизненную энергию в исполнение нашей миссии; справедливость позволяет

воздавать каждому должное. Эти четыре добродетели составляют не сущность лидерства, а его фундамент. Без них лидерство невозможно.

4. *Поскольку добродетель – это привычка, приобретаемая через практику, мы можем утверждать: лидерами не рождаются – ими становятся. Лидерство – это свойство характера (добродетели, свободы, роста), а не темперамента (биологии, детерминизма, стагнации). Темперамент может способствовать формированию одних добродетелей и мешать развитию других; но когда созревают добродетели, они налагают на темперамент отпечаток характера, так что темперамент уже не господствует над нами. Темперамент не препятствует лидерству; лидерству препятствует недостаток характера, он лишает нас нравственной энергии и свободы.*

5. *Лидеры не руководят людьми путем осуществления potestas, или власти, внутренне присущей их положению. Они руководят с помощью auctoritas – авторитета, проистекающего из характера. В любом положении человек может быть лидером, если он обладает авторитетом. Лидерство не связано с занимаемым постом, лидер – это не босс.*

6. Разум, воля и сердце позволяют нам делать три вещи, существенные для возрастания в добродетели: 1) созерцать добродетель, наслаждаться ее красотой и сильно желать ее (функция сердца); 2) понимать в каждой конкретной ситуации как поступать добродетельно (функция разума); 3) поступать добродетельно (функция воли).

7. *Посредством добродетелей лидеры достигают зрелости в своих суждениях, эмоциях и поступках.* Безошибочные признаки зрелости – это уверенность в себе и последовательность в действиях, психологическая уравновешенность, радость и оптимизм, естественность, чувство свободы и ответственности, состояние внутреннего мира. Лидеры не скептически и не циничны, они – реалисты. Реализм – это способность сохранить благородные стремления души, даже если человек опутан собственными слабостями. Реалист не поддается слабостям, он превосходит их, упражняясь в добродетелях.

8. Мы упражняемся в добродетелях, чтобы достичь самореализации (совершенства человеческой природы) и личностной эффективности. Добродетель – это совершенство (*аретэ*, на древнегреческом) и сила (*виртус*, на латыни). Мы возвращаем добродетель, чтобы стать лучше и эффективнее. Чем больше наше совершенство, тем выше наша эффективность.

9. *Лидеры соблюдают этику, основанную на добродетели, в большей мере, чем этику, основанную на правилах.* Этика добродетели не отрицает необходимости правил, но настаивает на том, что они не могут быть высшим обоснованием этики. Правила должны служить добродетели. Это – должный порядок вещей. Добродетель, в отличие от правил, всегда имеет оригинальный, творческий и многогранный характер.

10. *Практика специфически христианских добродетелей веры, надежды и любви оказывает огромное воздействие на лидерство. Эти сверхприродные добродетели укрепляют, возвышают и преобразуют природные добродетели великодушия и смирения, составляющие сущность лидерства, и природные добродетели благоразумия, мужества, самообладания и справедливости, составляющие его фундамент. Поэтому ни одна работа о лидерстве не может быть полной без упоминания сверхприродных добродетелей.*

«Сотворенный для величия» (2011) – это углубление и раскрытие «Нравственного лидерства» (2007). Эти две книги составляют вместе единое целое.

Мне потребовалось два года напряженного труда, чтобы понять, что именно великодушие и смирение являются специфическими добродетелями лидеров. Я пришел к такому выводу на основе тщательного изучения жизненного пути и поведения многих выдающихся личностей. Великодушие и смирение... Два слова – в два года! Кому-то это покажется очень странным. Станным, на самом деле, если бы речь шла о банальных и очевидных для всех понятиях. Но великодушие и смирение – понятия, богатые по смыслу, обладающие огромным эмоциональным и экзистенциальным зарядом, проникающим в самые глубины человеческих сердец. И это понятно, ведь в них воплощен жизненный идеал – идеал величия и служения.

Я обнаружил, что *лидерство есть жизненный идеал для человека, поскольку специфические добродетели подлинного лидера – великодушие и*

смирение – несут в себе высокую жизненную идею. Великодушие и смирение, величие и служение – это уже жизненный идеал. Это открытие поразило и восхитило меня.

Человеку можно и нужно основывать свои действия на благоразумии, мужестве, самообладании и справедливости, но *бытие* свое он может основывать только на великодушии и смирении – на идеалах величия и служения, на идеалах лидерства. *Великодушие – это жажда жить полнокровной жизнью, смирение – это жажда любить и жертвовать собой за других. Любое человеческое сердце, осознанно или неосознанно, хочет жить и хочет любить. Великодушие и смирение – это необходимые условия личностной самореализации.*

Великодушие и смирение составляют идеал достоинства и величия человека. *Великодушным человек утверждает свое личное достоинство и величие; смирением он утверждает достоинство и величие другого.*

Великодушие и смирение – результат правильной оценки человека. Малодушие, мешающее человеку понимать себя самого, и гордыня, мешающая ему понимать других, – результат ложной оценки. *Лидерство – это жизненный идеал, который признает и распространяет истину о человеке.*

ГЛАВА I. Идеал великодушия

Великодушие – это идеал, основанный на доверии к человеку, на убежденности в изначальном его величии. Великодушие в большей степени, чем любая другая добродетель, побуждает человека к действию и потому является высшей формой человеческой надежды. Великодушие – это всеобъемлющая добродетель: она преображает жизнь и придает ей высший смысл. Великодушие – это первая специфичная добродетель лидера.

Вот уже много лет я рассказываю своим студентам, представителям различных культур, религий и языков, о великодушии – специфической добродетели лидера. Разговор о великодушии везде возбуждает страсти. Я знаю людей, глубоко изменившихся после знакомства с добродетелью великодушия. Но знаю и таких, сильно испугавшихся, будто им рассказали нечто крайне для них неприятное. В любом случае тема великодушия не оставляет людей безучастными.

Возвышенное видение самого себя

Первым, кто концептуально разработал идею великодушия (греч. *мегалопсихия*), был еще Аристотель. Для греческого философа великодушен тот, кто «считает себя достойным великого». Хотя великодушный человек достоин чести (по Аристотелю честь есть величайшая из *внешних* благ), он к ней особенно не стремится, поскольку обладает чем-то несравненно большим: он обладает добродетелью, величайшим из *внутренних* сокровищ. Такой человек прекрасно осознает, что мир со всеми его благами стоит меньше, чем его личная добродетель. Великодушный человек понимает, что он достоин большего. По сравнению с добродетелью, которой он обладает, мир и его блага ровным счетом ничего не значат.

Образцом великодушия Аристотель считал Сократа, хотя и никогда не говорил об этом открыто. Для Аристотеля великодушие – это спокойствие перед лицом жизненных страданий, презрение к мнению толпы, безразличие к бесчестью. Великодушный не проявляет особой активности, он не стремится изменить мир к лучшему; он скорее холодно терпит существующее положение вещей, провозгласив свою независимость от него. Великодушный утверждает свое человеческое достоинство в коварном мире, который он искренне презирает.

Аристотелевское великодушие – это возвышенное видение самого себя, утверждение собственного достоинства. Осознание своей ценности и значимости – общая характерная черта всех лидеров. Это начало лидерства, без

такого осознания нет великодушия и нет лидерства.

Вспомним генерала Шарля де Голля. Когда 18 июня 1940 года он выступил на Би-Би-Си со своим знаменитым обращением из Лондона, призывая французов к сопротивлению нацистским оккупантам, де Голль был одинок. У него почти не было сторонников. Коллаборационистское правительство маршала Петена обвинило его в государственной измене и приговорило к смертной казни. Де Голль был никому не известным бригадным генералом, но у него было высокое видение самого себя. В своих «Военных мемуарах» он писал: «Я был одинок, и потому, что был одинок, я должен был достичь вершины, чтобы оттуда никогда не спускаться вниз»¹.

Лидер сначала обретает возвышенное видение самого себя. Потом уже обретает видение того, что он хочет совершить.

Когда в 1971 году Дарвин Смит стал президентом компании «Кимберли-Кларк», эта компания прочно заняла свою нишу на рынке, хотя ее основной бизнес – производство мелованной бумаги – приносил все меньше и меньше прибыли. Но Смит понял: возглавлять респектабельную компанию – «компанию функционеров» – не его призвание. Он считал себя достойным большего. Это возвышенное видение самого себя заставило его поставить задачу: достичь величия или погибнуть. Он продал все заводы, производившие мелованную бумагу, и перевел освободившиеся мощности на

¹ Ш. де Голль, Военные мемуары. Призыв 1940-1942. Глава 3.

производство потребительских бумажных изделий (салфетки, туалетная бумага и т.п.), нарочно поставив свою компанию в серьезную конкуренцию с такими лидерами рынка, как «Проктер & Гэмбл» и «Скотт Пэйпер». Результаты этой масштабной стратегии не заставили себя ждать: через несколько лет «Кимберли-Кларк» превратилась в мирового лидера по производству потребительской бумаги.

Присущее Смиту чувство собственного достоинства заставило его пренебречь мнением толпы. Аналитики Уолл-стрит и бизнес-медиа на все лады критиковали его решение, уверенные в том, что компанию ждет неминуемый крах. Но Смит, как когда-то Сократ, не советовался с толпой.

Добродетель, побуждающая к действию

Фома Аквинский, крупнейший философ и богослов Средневековья, понимал великодушие как ненасытную жажду великих дел и свершений (*extensio animi ad magna*). Он использует формулу Аристотеля, но придает ей совершенно иной смысл. Аристотель говорит, что великодушен тот, кто считает себя достойным великого; Фома же говорит, что великодушен тот, кто считает себя достойным *совершить* великое.

Аристотель утверждает величие человека в его независимости от мира, ибо мир со своим злым роком постоянно угрожает этого человека уничтожить. Фома же утверждает величие человека в завоевании мира, ибо мир, как творение Божие, хорош.

Великодушие есть жажда великого и достижение его. Великодушие не довольствуется тем, что начинает: оно завершает. Великодушие есть *движущая добродетель* по преимуществу. В нем больше энергии, чем в храбрости. Великодушный реализует себя в действии и через действие. Он отдается действию целиком, со страстью.

Лидеры – это люди действия, но действуют они не ради действия. Их действие – это расширение собственного личностного бытия, плод осознания собственного достоинства и величия. Лидер – не трудоголик, он не действует, чтобы чем-то заполнить пустоту своей внутренней жизни. Его активность – не слепое или механическое движение.

Личное совершенство – вот главная цель великодушия. Самое амбициозное начинание бессмысленно, если оно не ставит своей высшей целью личное совершенствование тех, кто его осуществляет.

Для лидера достижение высоких организационно-материальных целей – не самоцель, а средство, необходимое для личностного роста вовлеченных в процесс людей. Вышеупомянутый Дарвин Смит решился на огромные риски, потому что понимал: его действие способствует такому духовному росту, который обгонит все сугубо материальные результаты, какими бы значительными они ни оказались. Менеджмент – это искусство правильно делать свое дело; лидерство же – это искусство взращивать людей, способствовать их росту и достижению личностного величия. Смит был выдающимся менеджером, но прежде всего был блестящим лидером: его больше интересовали люди, чем вещи; он знал, что личностное совершенствование – совершенствование его самого и совершенствование его подчиненных – важнее, чем материальный успех.

Высшая форма человеческой надежды

Действие – плод надежды. Чем сильнее надежда, тем выше цель. Великодушие стимулирует надежду, дает ей всепоглощающую и опьяняющую силу.

В июне 1940 года, находясь в изгнании в Англии, генерал де Голль преподавал миру потрясающий урок надежды: «Я, одинокий и лишенный всего, чувствовал себя в положении человека на берегу океана, через который он собирается перебраться вплавь»¹. Вопреки препятствиям де Голль стал действовать, не сомневаясь в своей способности объединить французов вокруг себя и победить нацистскую Германию.

Надежда устремлена к величайшему благу, невзирая на объективно существующие трудности. Вдохновленные предстоящим заданием, одновременно благородным и трудным, душа и сердце без остатка отдают себя его выполнению.

Эрик Лидделл, чемпион Олимпийских игр 1924 года и один из бегунов, воспетых в популярном фильме «Огненные колесницы», однажды в самом начале забега получил подножку от соперника. Он упал на землю и поднялся, когда все остальные участники уже убежали на 20 метров вперед. Он догнал основную группу и обогнал ее, первым разорвав финишную ленточку. Потом упал на землю, обессиленный, но торжествующий.

Надежда – это ликующее устремление, радостная жажда поиска, в которой человек в определенном смысле уже владеет тем, чего он

¹ Ш. де Голль, *Восные Мемуары*. Призыв 1940–1942. Глава 2.

жаждет. Эрик Лидделл, человек глубоко религиозный, прекрасно выразил ликующую суть надежды: «Когда бегу, то чувствую Его радость».

Великодушие несет в себе *человеческую* надежду, оно доверяет *человеку*. Нельзя путать *человеческую* надежду с надеждой *богословской*. Богословская надежда доверяет Богу по выражению апостола Павла: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе!»¹.

Великодушие – это *природная* добродетель, которую человек может обрести и развивать в себе собственными силами; *сверхприродная* надежда – это добродетель, вложенная в человеческую душу Богом; вместе с верой и любовью она представляет собой одну из трех богословских добродетелей. До XIII века христианские богословы не отличали великодушия от богословской надежды. Они говорили о великодушии там, где на самом деле речь шла о сверхприродной добродетели надежды. Для них великодушен тот, кто осознает свое убожество и ищет в одном только Боге силы для личностного развития и завоевания мира².

В XIII веке Фома Аквинский, прочитав верный перевод трудов Аристотеля, вернул термину «великодушие» его подлинное значение. Для него, как и для Аристотеля, великодушие – идеал величия *человека*, идеал доверия к *человеку*. Фома четко отличает природную добродетель великодушия от сверхприродной добродетели надежды.

¹ Фил 4:13.

² См. R. A. Gauthier, *Magnanimité*, Paris: Vrin, 1951.

Восстановление Фомой человеческого начала – одно из великих достижений в истории христианской мысли. Христианский гуманизм во всем своем масштабе родился из этого нового мышления.

Великодушный христианин во всем надеется только на себя, как если бы Бога не было (великодушие), и одновременно полагается лишь на Бога, словно он, христианин, ничего не может от себя (богословская надежда). Он ведет себя как «взрослый» в природном плане, и как «дитя» в плане сверхприродном. Впрочем, его «сверхприродное детство» не пассивно: сверхприродная надежда, как и надежда природная, не пугается трудностей; напротив, она мобилизует всю душу человека, направляя ее к завоеванию желаемого блага. Психология надежды одна.

Великодушие и богословская надежда – добродетели, взаимодополняющие друг друга в жизни лидера, живущего своей христианской верой. Александр Солженицын, русский писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе, с потрясающей человеческой надеждой выполнял свою жизненную миссию: сохранить память о миллионах людей, обреченных на смерть коммунистической системой. Но как верующий человек Солженицын проявил богословскую надежду, не менее сильную, нежели надежду человеческую. В тяжелое для него время он обращался к Богу с такой молитвой:

«Как легко мне жить с Тобой, Господи!
Как легко мне верить в Тебя!
Когда расступается в недоумении
или сникает ум мой,

когда умнейшие люди
не видят дальше сегодняшнего вечера
и не знают, что надо делать завтра,
Ты ниспосылаешь мне ясную уверенность,
что Ты есть
и что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты»¹.

Солженицын – пример того, как великодушные и богословская надежда могут сосуществовать в жизни лидера, практикующего христианскую веру. Этот выдающийся лидер полностью полагался на себя и полностью полагался на Бога. Он верил в себя и в свою способность к действию, но в то же время он верил в Бога и Его поддержку.

¹ А. Солженицын, *Крохотки*. 1958-1963.

Великодушные неотделимо от смирения

Смирение – это привычка служить. Этот аспект смирения можно назвать «братским смирением». Но смирение – это еще и осознание того, что человек полностью и целиком зависит от Бога, своего Творца. Этот аспект смирения можно назвать «метафизическим смирением».

Чем больше мы говорим о великодушии, тем большее значение мы должны придавать метафизическому смирению. Чем больше мы осознаем свое собственное величие, тем острее мы должны осознавать, что величие есть дар Божий. Великодушные без смирения – это не великодушные, а самообман, который обычно приводит к большим катастрофам в личной жизни.

Великодушные и смирение идут рука об руку. Человек обязан верить в себя (великодушные), но при этом он не должен забывать, что таланты и способности, на которые он рассчитывает, даны ему Богом (смирение). За импульсом великодушия, подвигающим его на великие дела, должен непосредственно следовать импульс смирения, позволяющий ему во всем видеть Бога. Возвеличивание человека должно сопровождаться склонением перед Богом. «Когда я боролся один на один с коммунистическим режимом, – пишет Солженицын, – я понимал, что это не я борюсь, что я – муравей, чтобы такую борьбу выдержать, что я только орудие в иных руках»¹. Будучи по-настоящему великодушным, Солженицын считал себя *мощным инструментом* в руках Божиих; будучи по-настоящему

¹ Огонек, 1998/4559/24-52-53.

смирением, он понимал, что он *только инструмент*.

Человек великодушный и смиренный, *великодушно* оценивая свои способности, считает себя достойным великих дел, за которые он берется с полной уверенностью; в то же время, *смирённо* осознавая свое положение тварного существа, он прекрасно понимает, что все его способности, даже те, которые он приобрел в результате собственных усилий, являются, в конечном итоге, Божиими дарами. Это наполняет его благодарностью к Богу и тем самым укрепляет его надежду.

Смирение признает силу и величие человека, но узнает в них дар Божий. Узнать в силе и величии человека дар Божий – не значит отрицать эту силу и это величие. Смирение не отрицает их, а посвящает их Богу.

Многие христиане верят в Бога, но немногие из них верят в самих себя, верят в свои таланты и способности. У многих верующих понимание смирения исключает великодушие, они не хотят, да и не могут выбиться в лидеры. В итоге неудивительно, что современные государства чаще всего ищут себе политических лидеров в среде неверующих.

Большинство влиятельных лидеров последних трех столетий были нехристианами. И нельзя сказать, что христиан *изгнали* из общественной жизни: просто сами христиане, по собственной воле, вычеркнули из нее самих себя. Это поражающий, беспрецедентный в истории человечества случай всеобщего самовыхолащивания.

Христианам стоит задуматься над личностью Жанны д'Арк, столь презираемой в наши дни в ее отечестве – Франции, и столь любимой в Англии, стране ее врагов. Жанна была истинной христианкой, носителем подлинного великодушия. По словам Гилберта Честертона, «Жанна д'Арк не топталась на распутье, отбросив все пути, как Толстой, или приняв их, как Ницше. Она выбрала путь и ринулась по нему стремительно, как молния... Толстой воспел крестьян – она была крестьянкой. Ницше воспел войну – она воевала. Она победила каждого из них на его поле; была добрей и смиренней Толстого, яростней Ницше»¹.

В возрасте 17 лет Жанна стала главнокомандующим французской армии. Ее миссия заключалась в том, чтобы изгнать английских захватчиков из Франции и добиться коронации наследного французского принца. У нее было высокое видение самой себя и высокое видение своей миссии. «Для этого я и родилась!» – эти слова она повторяла часто, без гордыни, но с гордостью.

Леонард Коэн, канадский поэт и певец, уловил некоторые черты ее величия в своем произведении «Жанна д'Арк», написанном в форме диалога между Жанной и огнем, пожирающим ее на костре:

«Я люблю твое одиночество, я люблю твою гордость

<...>

Я видел ее содрогания, я слышал ее рыдания,

¹ Г. Честертон, *Ортодоксия*. Глава 3 (Самоубийство мысли).

Я славу видел в ее глазах»¹.

Поэт Арсений Тарковский выразил ее величие более контрастно:

«Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!

...Огнем горишь в рубахе не по росту».²

«Помоги себе сам, и Бог тебе поможет».

Это известные слова Жанны. Она верила в Бога, но в то же время она верила в себя. Когда ее спрашивали, зачем ей нужна армия, если сам Бог решил освободить французский народ, она отвечала с простотой крестьянки и глубиной богослова: «Солдаты будут сражаться, и Бог даст победу».

«Жанна д'Арк – это существо, настолько возвышенное над обычным человечеством, – утверждал Уинстон Черчилль, – что человека такого масштаба мир не знал тысячу лет»³.

Современное общество нуждается в мужчинах и женщинах, верящих в человека. Святой Павел, апостол богословской надежды, был также апостолом человечества Христа: во Христе он видел совершенного Человека, то есть человека, в совершенстве практиковавшего все человеческие добродетели, включая великодушие. Сам Павел был, по всей видимости, самым великодушным из апостолов Христа. Он поразительно практиковал не только богословскую, но и человеческую надежду. Его человеческая энергия, подкрепленная благодатью Божией, сделала его величайшим христианским деятелем.

¹ «I love your solitude, I love your pride... / I saw her wince, I saw her cry, / I saw the glory in her eye». L. Cohen, *Songs of Love and Hate*, «Joan of Arc», 1971.

² А. Тарковский, *Дерево Жанны*, 1959.

³ У. Черчилль, *Рождение Британии*. Глава 26.

Христианин, несомненно, должен осознать собственные несовершенства и искать в Боге сил, чтобы победить мир. Но этого недостаточно: он должен также осознать собственные способности, полагаться на них и задействовать все чисто человеческие возможности. Это – необходимое условие лидерства.

Очисти свои намерения

Тщеславие ищет ложного величия, а именно – чести и славы человеческой. Стремление к чести и славе портит человека и препятствует его самосовершенствованию. Честь и слава – это не цель, а всего лишь побочный (и не обязательный) результат на пути к величию.

Часто бывает, что мы стремимся к добродетели ради ее самой, а к чести и славе – мимоходом. Требуется многолетняя работа, чтобы до конца искоренить тщеславие и целиком очистить свои намерения.

Великодушие – не мегаломания

Студенты часто спрашивают меня: «Наполеон был тиран, но разве он не был великодушным?»

Чтобы стать великодушным, нужно в первую очередь обладать благоразумием, т.е. практической мудростью. Без благоразумия не отличишь великодушие от мегаломании.

Наполеон практиковал не благоразумие, а хитрость. Ему неинтересно было благоразумие, потому что неинтересно было благо.

В «Войне и мире», говоря о императоре французов, Толстой пишет:

«Величие как будто исключает возможность меры хорошего и дурного. Для великого – нет дурного. Нет ужаса, который бы мог быть поставлен в вину тому, кто велик.

“C’est grand!” [Это величественно!] – говорят историки, и тогда уже нет ни хорошего, ни

дурного, а есть “grand и “не grand”. Grand – хорошо, не grand – дурно. Grand есть свойство, по их понятиям, каких-то особенных животных, называемых ими героями. И Наполеон, убираясь в теплой шубе домой от гибнущих не только товарищей, но (по его мнению) людей, им приведенных сюда [в Москву], чувствует que c’est grand, и душа его покойна <...>.

И весь мир пятьдесят лет повторяет: “Великое! Наполеон великий!” <...>.

И никому в голову не придет, что признание величия, неизмеримого мерой хорошего и дурного, есть только признание своей ничтожности и неизмеримой малости.

Для нас, с данной нам Христом мерой хорошего и дурного, нет неизмеримого. И нет величия там, где нет простоты, добра и правды».¹

Величие, великодушие, лидерство – это нравственные категории. Это понимали древние греки², это должны понимать и сейчас все здравомыслящие люди.

¹ Л. Толстой, *Война и мир*, Том IV, гл. XVIII.

² Достаточно прочитать исторический роман «Киропедия» Ксенофонта (430–356 до н.э.), первую книгу, в которой систематически излагались вопросы лидерства.

Великодушие и самооценка – это разные вещи

Нельзя путать великодушие с самооценкой. Великодушие – это добродетель; самооценка – это эмоция. Добродетель объективна и устойчива; эмоция же субъективна и неустойчива: можно утром вставать с очень высокой самооценкой и вечером ложиться с самооценкой, близкой к нулю.

Великодушие относится к сфере бытия; самооценка – к сфере обладания. Часто бывает, что у малодушного человека завышенная самооценка. Это неудивительно: для высокой самооценки в принципе ничего не нужно, кроме лести.

«Добродетель юности»

Молодым людям легче практиковать великодушные, чем людям старшего возраста. Ведь молодость полна надеж: она смотрит в будущее и стремится к великим свершениям. Люди постарше обычно заиклены на прошлом, на достигнутом.

Юнцам легче практиковать великодушные, нежели старикам. Но это не значит, что все юнцы великодушны и все старики малодушны. Есть юноши, лишённые всяческих амбиций и есть старики, неустанно мечтающие о новых свершениях.

Так, несмотря на 16 лет советских тюрем и лагерей, русский инженер и писатель Дмитрий Панин сохранил молодость и щедрость души. Надежда и оптимизм не покидали его вплоть до кончины в 1987 году – в изгнании во Франции. В конце 1940-х он отбывал срок вместе с Александром Солженицыным, который вывел Панина под именем Дмитрия Солодина в своём романе «В круге первом»¹:

«Дмитрий Солодин <...> был ничтожный бесправный раб. Он сидел уже двенадцать лет, но из-за второго лагерного срока конца тюрьме для него не предвиделось. Его жена иссушила молодость в бесплодном ожидании. Чтобы не быть уволенной с нынешней работы, как ее уже увольняли со многих, она солгала, что мужа у нее вовсе нет, и прекратила с ним переписку. Своего единственного сына Солодин никогда не видел: при его аресте жена была беременной.

¹ А. Солженицын, *В круге первом*. Глава 26.

Сологдин прошел чердынские леса, воркутинские шахты, два следствия – полгода и год, с бессонницей, изматыванием сил и соков тела. Давно уже было затоптано в грязь его имя и его будущность. Имущество его было – подержанные ватные брюки и брезентовая рабочая куртка, которые сейчас хранились в каптерке в ожидании худших времен. Денег он получал в месяц тридцать рублей – на три килограмма сахара, и то не наличными. Дышать свежим воздухом он мог только в определенные часы, разрешаемые тюремным начальством.

И был нерушимый покой в его душе. Глаза сверкали, как у юноши. Распахнутая на морозце грудь вздымалась от полноты бытия».

Душа, глаза, грудь – покой, свет, полнота бытия... Со времен Аристотеля очень немногие писатели так ярко и так сжато сумели отразить *телесное* воплощение великодушия.

Великодушный человек остается юным, хотя он физически стареет. Но великодушные и в то же время действительно молодые годами люди – это явление самого высокого порядка. Они впечатляют нас. Своей неутолимой жаждой жизни и действия великодушная молодежь напоминает нам, что важно и что не важно. Она освобождает нас от рутины и побуждает жить полной, настоящей жизнью.

В своей поэме «Сумасшедший» Патрик Пирс, англо-ирландский адвокат, поэт и руководитель ирландских войск в неуспешном «Пасхальном восстании» 1916 года, ярко выразил радикализм великодушия, присущий юности:

«Я расточил драгоценные года, что Бог даровал моей юности,
В попытках невозможного достичь –
А лишь невозможное я считал достойным
своих усилий.
Безумие это иль благодать? Пусть судит Бог, а не человек.
Я расточил драгоценные года...
Господи, но если их вернуть – я бы расточил снова!
Когда пройдет горячая юность моя, обращусь к моему народу, и скажу ему:
Подражайте моему сумасшествию; не сберегайте – расточите;
Рискуйте всем, иначе все потеряете».

Пирса расстреляли англичане.

Бросить адвокатскую карьеру и посвятить себя изучению и преподаванию лидерства меня побудила как раз молодежь – университетская молодежь. Я читал курс лекций по истории европейской интеграции и тратил много времени, пытаясь помочь своим слушателям проникнуть в движение умов и сердец отцов-основателей Евросоюза, таких как Робер Шуман, Конрад Аденауэр, Альчиде де Гаспери, Жан Моне. Мои студенты были восхищены величием отцов-основателей, а я был восхищен их восхищением.

Великодушная молодежь привела меня к теме лидерства, и если я когда-нибудь перестану преподавать менеджерам, то преподавать молодежи не перестану никогда. Чтобы сильно выдохнуть, надо сначала глубоко вдохнуть. Чтобы свидетельствовать о надежде, надо сперва стать свидетелем надежды.

Всеобъемлющая добродетель

Согласно Платону, основными человеческими добродетелями являются благоразумие, справедливость, мужество и самообладание. Амвросий Медиоланский именовал их *кардинальными добродетелями*, ибо все прочие добродетели опираются на них. Слово «кардинальный» происходит от латинского *cardo*, что значит «стержень». Подобно тому как дверь крепится на петлях, так и добродетели опираются на четыре базовые, или кардинальные, добродетели.

Любой добродетельный поступок предполагает:

1) благоразумие, позволяющее в конкретной ситуации *определить*, какой поступок будет добродетельным, а какой – порочным (благоразумие, например, указывает нам в конкретной ситуации, где заканчивается смелость и где начинается опрометчивость);

2) справедливость, заставляющую нас *совершить* этот поступок;

3) мужество, дающее силу, выносливость и упорство, чтобы не отступать, а *довести до конца* добродетельный поступок;

4) самообладание, *препятствующее* эмоциям *увести нас в сторону*, противоположную от добродетельного поступка.

Кардинальные добродетели – это базовые добродетели, а они не обязательно самые важные. Аристотель говорит, что «великодушие есть своего рода венец добродетели: оно делает добродетели большими»¹, оно украшает их и позволяет им достичь своего совершенства. В

¹ Аристотель, *Никомахова этика*, Книга IV, глава VII.

этом смысле великодушие выше кардинальных добродетелей.

Великодушие заставляет каждую из добродетелей превзойти себя, увлекает за собой каждую из них в своем стремлении к величию.

Великодушный ищет в каждой добродетели не специфичное добро, ей присущее, а *величие*, в ней заключенное, *совершенство*, которое она предлагает, *расцвет* личности, к которому она приводит.

Великодушному противны не специфичная извращенность порока, а *истощение* бытия и *сокращение* достоинства, которые влечет за собой порок. Великодушный отвращается от порока не потому, что это дурно, а потому что это *пошло и низко*.

Великодушие – это образ мышления и поведения, направленный к расцвету человеческой личности.

ГЛАВА 2. Идеал смирения

Если великодушие – это утверждение собственного достоинства и величия, то смирение – это утверждение достоинства и величия других. Лидер привлекает, а не подталкивает; учит, а не приказывает; вдохновляет, а не распекает. Лидер – не тот, кто проявляет власть над другими, а тот, кто дает другим возможность проявить себя. Смирение – это вторая специфичная добродетель лидера.

Великодушие – это энергия, смирение – это направление. Подлинное величие устремлено к служению. Можно даже сказать, что мера личного величия лидера – это уровень величия, достигаемый последователями, т.е. теми, которым он служит. Мера лидерства – не лидер, а его последователи.

Дай другим возможность проявить себя

Смирение (привычка служить) разжигает сердца альтруистов и больно бьет по душам эгоистов.

«Ложь и зло эгоизма состоят вовсе не в том, что этот человек слишком высоко себя ценит, придает себе безусловное значение и бесконечное достоинство, – пишет Владимир Соловьев. – В этом он прав. <...> Всякий человек в этом качестве имеет безотносительное значение и достоинство, есть нечто безусловно незаменимое и слишком высоко оценить себя не может. <...> Основная ложь и зло эгоизма не в этом абсолютном самосознании и самооценке субъекта, а в том, что, приписывая себе по справедливости безусловное значение, он несправедливо отказывает другим в этом значении; признавая себя центром жизни, каков он и есть в самом деле, он других относит к окружности своего бытия, оставляет за ними только внешнюю и относительную ценность»¹.

Признавая свое собственное достоинство и величие, мы должны признавать достоинство и величие других, и служить им на деле. Мы служим людям, когда даем им возможность проявить себя, возрастить в добродетели и обрести величие. Своим смиренным великодушием, то есть великодушием, направленным к служению, Жанна д'Арк изменила сердца миллионов своих соотечественников, вызвала духовное возрождение страны, погрязшей во мраке малодушия и трусости. Одному из своих соратников, Жанна когда-то сказала: «Всю дорогу я наблюдала за

¹ В. Соловьев, *Смысл любви*. 2, III.

тобой. Ты начал плохо, ты пустой фантазер. Но в тебе кроется настоящая храбрость, и я дам тебе возможность проявить ее. В тебе таится мужчина, и я выявляю его»¹. Превращать болтуна в героя – вот это лидерство.

¹ М. Twain, *Personal Recollections of Joan of Arc*, Book 2, Chapter 10.

Пример компании «Мишлен»

Франсуа Мишлену было всего 28 лет, когда в 1954 году он встал во главе крупного промышленного концерна «Мишлен». Он с тех пор занимал скромный кабинет своего деда, Эдуарда Мишлена, основателя компании.

Я встретился с Франсуа в 2010 году. Во время нашей беседы, длившейся два с половиной часа, он успел сделать три очень важных телефонных звонка. Как я узнал позже, эти звонки касались клеветнической кампании, развернутой против него в средствах массовой информации. При этом Мишлен вовсе не выглядел удрученным. Он, казалось, был полностью поглощен нашей беседой, улыбался, смотрел мне прямо в глаза, извинялся за неожиданные паузы и просил напомнить, на чем мы остановились. В нем было заметно спокойствие, уважение к собеседнику и огромное желание служить.

«Что меня поражает в личности Франсуа Мишлена, – рассказывает Карлос Гон, президент компании “Рено”, – это большое внимание, которое он уделяет людям, его забота о духовном росте людей, которые его окружают. У него большие амбиции для своей компании, но это не разрушительные амбиции, они не направлены на собственную эгоистичную самореализацию. Мишлен – крупный промышленник, но он еще крупнее как человек»¹.

«Чтобы служить людям, нужно сначала научиться выслушивать их, – с юмором говорит

¹ Michelin – *Son histoire, ses champions, les héros du quotidien*. La Montagne, Clermont-Ferrand, 2007.

Франсуа Мишлен. – Посмотрите на меня – я лопоух, это лучшее тому свидетельство».

Помочь человеку стать тем, кто он есть – вот, что важно для Франсуа Мишлена. Благодаря этому принципу, которым всегда руководствовался дедушка Эдуард, Марюс Миньоль – типографский рабочий, не имевший формального образования, – в 1941 году изобрел радиальную шину, совершившую переворот в мировой шинной индустрии. Когда Миньоля наняли в компанию, ему предоставили работу в полиграфическом отделе. Но Эдуарду Мишлену, основателю компании, не понравилось это решение. Он возразил директору по персоналу: «Не слишком судите о человеке по первому впечатлению. Помните, нужно разбить камень, чтобы найти алмаз, скрытый внутри».

Миньоль был переназначен на коммерческую должность, связанную с экспортом продукции. Однажды Эдуард Мишлен обнаружил на столе у Миньоля странный предмет, наподобие логарифмической линейки. Выяснилось, что работник сам изобрел его, чтобы быстрее вычислять курсовую разницу различных валют. «Этот человек – гений!» – воскликнул изумленный босс. Миньоля перевели в исследовательский отдел. К тому времени традиционные покрышки изживали себя: они перегревались на высоких скоростях.

Изучая нагревание в традиционной шине, Миньоль изобрел такую шину, в которой нити корда в слоях каркаса не перекрещиваются, как это бывает с диагональными шинами, а имеют радиальное расположение, т.е. направлены от борта к борту. Радиальная шина оказалась революционной.

Такое выдающееся изобретение стало возможным по одной единственной причине: Эдуарда Мишлена больше интересовали люди, нежели вещи. Он дал Миньолю возможность раскрыть свой талант и поставить его на службу компании и всему обществу.

Франсуа Мишлен учился у своего дедушки Эдуарда. Помочь человеку стать тем, кто он есть, – это его лейтмотив, его навязчивая идея.

Уважение Франсуа Мишлена к людям, его желание служить им – это результат его смирения. Но это еще и вопрос здравого смысла. «Часто говорят, что факты упрямы. Но упрямы не факты, а люди, – утверждает Мишлен. – Мы отказываемся понять, что движущая сила предприятия – это не капитал, не оборудование, а человеческое творчество».

Смирение – это не препятствие, а условие прочного бизнеса. Благодаря смирению ее руководителей, компания «Мишлен» занимает первое место в мире в своей отрасли.

Служение как жизненный идеал

Идеал братского смирения – идеал служения – был привнесен в греко-латинский мир не античной философией, а христианством. «Сын Человеческий не для того пришел, – говорит Христос, – чтобы Ему служили, но чтобы послужить. <...> Я посреди вас, как служащий»¹. Смысл смирения заключается в Христовой заповеди служить друг другу: «Кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом»².

Чтобы постичь суть христианского смирения, надо сначала понять, кто такой Бог. Бог един, но в Нем – три Божественные Ипостаси или Личности: Отец, Сын и Дух Святой. Три Божественные Личности взаимодействуют между собой с бесконечным смирением: каждая из Личностей существует только для двух Других. В Боге быть Личностью – значит быть даром для других Личностей. Точно так же и для человека быть личностью – значит быть даром для других людей. Без этого братского смирения самореализация человека как личности попросту невозможна.

Мы служим людям, когда удовлетворяем их материальные и духовные потребности. Но самый высокий способ служения – помочь человеку стать тем, кто он есть, помочь ему обрести величие. Христос служил своим ученикам особенно тогда, когда Он вразумлял их, воспитывал и вдохновлял.

¹ Мк 10:45; Мф 20:28; Лк 22:27.

² Мф 20:26.

Братское смирение – плод истинной любви. Мы служим людям в первую очередь, когда мы помогаем им расти как личностям и как детям Божиим; когда мы помогаем им исполнять Божию заповедь, а именно: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный»¹. Совершенство и святость – это синонимы величия.

Смирение, как и великодушие, – источник радости. Служа другим своим сердцем, умом и волей, лидер обнаруживает смысл и ценность собственной жизни. Он ощущает и переживает величие человеческого достоинства и мистическую нить, что связывает воедино все человечество. Гордыня и эгоизм, как и малодушие, – источники печали, горечи и пессимизма.

¹ Мф 5:48.

ГЛАВА 3. Развитие нравственного чувства

Выше мы рассмотрели ключевые аспекты великодушия и смирения – специфичных добродетелей лидера. Сейчас мы поговорим о том, как возвращать в себе эти качества. Но прежде чем приступить к этой глубоко практической теме, следует сказать несколько слов о том, как развивать в себе нравственное чувство – без него невозможно возрастание в добродетели вообще.

Прислушивайся к голосу совести и повинуйся ему

Чтобы развивать в себе нравственное чувство, нужно прислушиваться к голосу совести и поступать соответственно.

Ирина Мейке, послужившая прототипом Веры Гангарт из повести Солженицына «Раковый корпус», скончалась весной 2007 года, найдя свое последнее пристанище в Хельсинки. Я встретился с ней за несколько месяцев до ее кончины, и она поведала мне свою удивительную историю.

Ирина работала врачом-онкологом в Ташкенте, когда в январе 1954 года она в первый раз повстречалась с Солженицыным. Тогда он был еще молодым 35-летним человеком, бывшим офицером и начинающим писателем, прошедшим многие годы в тюрьмах и лагерях. Он страдал от рака кишечника. «Невозможно человеку выдержать – и лагерь, и эту болезнь, – подумала Ирина. – Но этот человек смог. Значит, он был достоин того, чтобы жить, творить. Ему Богом была дана жизнь!»

Ирина приложила все усилия, чтобы спасти этого бывшего узника ГУЛАГа, «врага народа». Десять лет спустя Солженицын пришет ей экземпляр своей первой книги «Один день Ивана Денисовича» с дарственной надписью: «Врачу моему, помешавшему мне умереть».

После исцеления для писателя началась поистине новая жизнь. «Вся возвращенная мне жизнь с тех пор, – писал Солженицын, – не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель».

Благодаря Ирине и ее мужеству увидел свет эпохальный, поистине изменивший ход истории «Архипелаг ГУЛАГ».

Ирина Мейке была одним из тех великодушных людей, воспитанных в атмосфере воинствующего атеизма, но при том всегда остававшиеся внимательными к голосу совести.

Православный священник, отпевавший Ирину, заметил: «Всегда слушать голос совести и быть верным ему... В условиях коммунизма – это подвиг!»

Слушать свою совесть и жить по совести – это всегда подвиг. Не заглушай голос совести своей неверностью, своим стремлением к комфорту и желанием идти по пути наименьшего сопротивления! Жить по совести – это подвиг, но без этого подвига нет добродетели и нет лидерства.

В этой связи я часто вспоминаю одну молодую латышку, посещавшую мои семинары в Рижском университете в 2005-м году. Яркая, накрашенная, вызывающе одетая – такая латышская Мэрилин Монро, – она сидела в первом ряду вместе со своим бой-френдом. Я начал встречу с вопроса: «Что есть лидерство?» Первой вверх взметнулась ее рука. «Лидерство – это ВЛАСТЬ!» – выпалила она.

Год спустя в той же аудитории у меня был аналогичный семинар, но уже с другим составом участников. «Мэрилин Монро» пришла вновь, но в этот раз она была совсем другой. Своей скромной элегантностью она напоминала, скорее, Одри Хэпберн. Перед началом девушка подошла ко мне и попросила разрешения

сказать несколько слов. Я согласился. Она сказала собравшимся, что этот семинар может изменить их жизнь, как однажды изменил ее жизнь; что лидерство требует глубокой работы над собой, но сама эта работа, да и ее результат, приносят несказанную радость.

У «Одри» не было уже ничего общего с «Мэрилин» – в одежде, походке, выражении лица, улыбке, разговоре. Столь радикальная трансформация, одновременно физическая и духовная, – результат обращения сердца, ума и воли. Но прежде всего, это результат того, что человек прислушался к голосу своей совести.

Невозможно развить в себе нравственное чувство, если мы не слушаем свою совесть и не повинемся ей. Слушать, чтобы слушаться, ибо если мы не живем так, как думаем, то будем думать так, как живем, и найдем поводы для оправдания самых подлых поступков. Иосиф Бродский, русский поэт еврейского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе, однажды заметил: «Неверье – слепота, но чаще – свинство». Мы отрицаем высшую реальность, потому что так легче и проще жить: жить, как свинья.

Работай над собой более, чем над своими идеями

В человеке сосуществуют доброе и злое начала. Своим отрицанием зла в человеке и своим сосредоточением почти исключительно на преобразовании общества философия Просвещения сослужила человечеству плохую службу. Она сформировала людей, которым в значительной мере чужды понятия личного роста и нравственного совершенствования, людей, возлагавших свои надежды исключительно на политику и социальный прогресс.

Русский философ о. Сергей Булгаков указывал: «Руссо, и с ним все просветительство, думал, что <...> учение о первородном грехе – суеверный миф, который не имеет ничего соответствующего в нравственном опыте <...>. Все зло объясняется внешним неустройством человеческого общежития, и потому нет ни личной вины, ни личной ответственности, и вся задача общественного устройства заключается в преодолении этих внешних неустройств, конечно, внешними же реформами»¹.

Евгений Базаров, студент-нигилист и главная фигура романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева, прекрасно выразил эту идею: «Нравственные болезни происходят <...> от безобразного состояния общества <...>. Исправьте общество, и болезней не будет <...>. По крайней мере, при правильном устройстве общества совершенно будет равно, глуп ли человек или умен, зол или добр»².

¹ С. Булгаков, *Героизм и подвижничество*. М., Вехи, 1909.

² И. Тургенев, *Отцы и дети*. Глава XVI.

На основе такого механистического и аморального видения человеческой личности философия Просвещения сформировала образ «горизонтального человека», «человека-массы», человека, не способного задуматься о каком-либо личностном росте, ибо чувство собственной индивидуальности и достоинства им давно утеряно.

Характерным примером такого «горизонтального человека» можно назвать полицейского инспектора Жавера из «Отверженных» Виктора Гюго. Жавер служит не человеку, а закону. Жавер не верит в человека, в его способность к совершенствованию. Он верит в систему, в механизме которой он – всего лишь винтик. Жавер даже сам по себе не напоминает личность: у него нет имени, только фамилия. И когда добродетель преодолевает систему – добродетель Жана Вальжана, – Жаверу не остается ничего, кроме как утопиться в Сене.

Такие писатели XIX столетия, как Николай Гоголь и Антон Чехов, прекрасно понимали всю драматичность ситуации, созданной подобным пониманием человека и общества. И что наиболее впечатляет в жизни этих двух гигантов мировой литературы, так это не столько словесная критика философии Просвещения, сколько страстное воплощение в жизнь принципов, диаметрально противоположных идеалам Просвещения.

Гоголь не просто утверждал, что общественные изменения бессмысленны, если люди не приступят к изменению своего внутреннего «я»: от утверждения он перешел к действию. Он

писал другу: «Еще строюсь и создаюсь в характере <...>. Я именно произвожу теперь сильную внутреннюю ломку»¹.

Так же и Чехов не просто утверждал свое желание измениться – он усердно работал над собой. Сам говорил: «Дрессирую себя по возможности»².

По мнению поэта и литературоведа Корнея Чуковского, Чехов «мог подавить свою вспыльчивость, выбросить из души все мелочное и пошлое и выработать в себе такую деликатность и мягкость, какими не обладал ни один из писателей его поколения <...>. Два писателя, имевших возможность наблюдать его ближе и дольше других, Леонтьев-Щеглов и Потапенко, оба отметили в своих мемуарах, что к Чехову не с неба свалилось его благородство. Его привлекательные душевные качества явились, по наблюдению Потапенко, “результатом мучительной внутренней борьбы, трудно доставшимся ему трофеями” <...>. Великолепная самостоятельность всех его вкусов и мнений, его дерзкое презрение к тогдашним интеллигентским – уже окостенелым – идеалам и лозунгам, которое так отпугнуло от него кружковую либеральную критику, деспотически требовавшую, чтобы он подчинял свое вольное творчество ее сектантским канонам, – какой нужен был для этого сильный характер!»³

¹ См. Н. Гоголь, *Выбранные места из переписки с друзьями*. СПб, Азбука-классика, 2008. Стр. 9.

² К. Чуковский, *О Чехове*. М., Русский путь, 2008. Стр. 35.

³ Там же, стр. 54, 55, 70.

Вместо того чтобы возлагать свои надежды на общественный прогресс и идеологию, нам следует укреплять свой собственный характер, развивать в себе самом добродетель. Это важный момент, демонстрирующий зрелость тех, кто следует в жизни этому принципу, и незрелость тех, кто, сознательно или неосознанно, не следует ему. Прежде чем решать вопрос «что делать», надо решить вопрос «кем быть».

Работай над своим характером более, чем над своими манерами

Я вспоминаю один случай из своей юридической практики. Речь шла о родителях и их младенце. Однажды, устав от раздражающего их плача ребенка, они взяли, да и сунули его... в холодильник. Ребенок умер, а родители были приговорены к тюремному заключению. А ведь это была вполне «приличная» семья: у них были дом, автомобиль, телевизор, собака... и ребенок.

Подобно этой злополучной паре, мы также можем в жизни быть привлекательными, хорошо образованными, умеющими красиво говорить... Мы, разумеется, не из тех, кто убивает своих детей, но значит ли это, что наши сердца чище и наше нравственное чувство острее?

Многие люди работают над своим имиджем, но совершенно не работают над своим характером и развитием своего нравственного чувства. Екатерина Великая, германская принцесса, ставшая русской императрицей (1762–1796) – хороший тому пример. Известный русский историк Василий Ключевский рисует такой портрет «царицы-матушки»:

«Екатерина открывала или развивала в себе свойства высокой житейской ценности. <...> Частый смотр держал ее силы наготове, в состоянии мобилизации. <...> В обращении она пускала в ход бесподобное умение слушать, терпеливо и внимательно выслушивать всякий вздор, угадывать настроение, робкие или не находившие слов мысли собеседника и шла им на подмогу. Это подкупало, внушало доверие, располагало к откровенности. <...> Екатерина

обладала в высокой степени искусством, которое принято называть даром внушения, умела не приказывать, а подсказывать свои желания, которые во внушаемом уме незаметно перерождались в его собственные идеи и тем усерднее исполнялись. <...> Но она больше привыкла работать над своими манерами и над способом обращения с людьми, чем над самой собой, над своими чувствами и побуждениями. <...> Недостаток нравственного внимания и самостоятельной мысли сбивали Екатерину с правильного пути развития, на который она была поставлена своей счастливой природой. <...> Она подмечала в себе слабости и недостатки с каким-то самоудовольствием, не прикрашивая их, называя настоящими именами, без малейшего угрызения совести, без всякого позыва к сожалению или раскаянию. <...> Дерево самопознания без достаточного нравственного удобрения дало нездоровый плод – самомнение. <...> Как она сама была вся созданием рассудка без всякого участия сердца, так и в ее деятельности больше эффекта, блеска, чем величия, творчества».¹

Екатерина Великая – посредственность под маской величия. Она руководит людьми не с помощью характера (которого у них нет), а с помощью коммуникационных методов и психологических приемов. Она не руководит людьми, а манипулирует ими. В жизни Екатерины много шума и блеска, но мало творчества и величия. Мало лидерства.

Характерно, что по приказу Екатерины были арестованы, истерзаны и сосланы в Си-

¹ В. Ключевский, *История России*. Глава 75.

бирь по-настоящему великие люди того времени – Николай Новиков и Александр Радищев, писатели и филантропы, публично осудившие крепостничество. Новиков и Радищев были люди с характером. В истории они останутся примерами великодушия, а Екатерина – примером себялюбия.

ГЛАВА 4. Как возвращать великодушие

Теперь приступим к глубоко практической теме, а именно – как возвращать в себе великодушие.

Ищи человека, настоящего человека!

Чтобы возрастать в великодушии, нам нужно искать общества прекрасных людей, осознающих свое достоинство и демонстрирующих его своими поступками. Греческий философ Диоген ходил по улицам с фонарем среди бела дня, выкрикивая: «Ищу человека, настоящего человека!» В известном смысле мы должны делать то же самое, водя дружбу с людьми, вдохновляющими нас своими прекрасными качествами и, прежде всего, своим великодушием.

С подлинно великодушными людьми, кажется, мы редко встречаемся. На самом деле, многие из них живут недалеко от нас. Возможно – совсем рядом.

Однажды на семинаре по лидерству, который я проводил в Алма-Ате, один из участников спросил меня: «Александр, скажите, пожалуйста, кого, по-вашему, можно считать величайшими из лидеров?» Слушатели наверняка ожидали услышать от меня одно из общеизвестных имен – Черчилль, де Голль, Ганди... Я выдержал паузу и твердым голосом сказал: «Мои родители!» Никто явно не ожидал такого ответа. Несколько секунд аудитория была в замешательстве, но скоро разразился шквал аплодисментов. Это была овация величию повседневной жизни.

В поисках величия в людях, нас окружающих, мы должны сначала воспитать в себе позитивное отношение к жизни и признать, что у

любого человека есть как слабости, так и сильные стороны. Нужно научиться искусству просеивать события сквозь фильтр памяти так, чтобы в ней оставалось только хорошее. Подобно грузинскому *тамаде*, который поэтично, с юмором, но без лести поднимает тост за величие собравшихся за столом гостей, нам следует сохранять в сердцах своих самую добрую память и самые прекрасные образы людей, что встречались нам на столбовых дорогах жизни.

И первые, кого мы встречаем на своем жизненном пути, – это наши родители, бабушки и дедушки, братья и сестры. Поэтому позвольте мне в этих строках выступить тамадой за воображаемым столом, за которым собрались члены моей семьи. И когда вы будете это читать, попытайтесь представить себя также в роли грузинского тамады, произносящего тосты за самых близких и дорогих ему людей.

Моего отца зовут Кирилл. Это имя по-гречески означает «владыка». Мой отец – владыка в самом полном смысле этого слова: человек, не знающий ограничений, человек с широкой душой. Заядлый яхтсмен, он не знает покоя, если не бороздит глубокие моря. За несдержанность, присущую его русской душе, его любят многие, но многие и ненавидят. Если своими шутками он не терроризирует парижский бомонд, значит, он отдыхает в своем закавказском доме, где дышит свежим воздухом и пишет свои мемуары.

Мою маму зовут Ирина. Это имя по-гречески означает «мир, покой». Но мать – совсем не мирное существо. У нее огненный темперамент, она постоянно ведет войну. Но если любит, то

любит до конца. Сотни молодых людей в тяжелые для них времена нашли убежище в ее материнском сердце.

Бабушку со стороны матери зовут Мадлен. Она любит вспоминать своего отца, офицера французской армии. В начале прошлого века, когда она была еще совсем маленькой девочкой, он сажал ее верхом на лошадь вместе с собой, и они катались по парижским улицам. У нее, как и у ее дочери (моей мамы), поистине воинственный темперамент. Она любит Бога и была для меня первым учителем молитвы. В 1930-х годах она вышла замуж за моего деда Арчила, грузинского дворянина, бежавшего от большевиков. Он – воплощение мужественности и доброты; в страданиях он закалил свой характер. Когда он видит нас, своих внуков, то буквально пожирает нас глазами, полными нежности.

Бабушку со стороны отца зовут Нина. В 1920 году, в возрасте 18 лет, она покинула Россию вместе с родителями и двумя сестрами. Бабушка – воплощение невыразимой мягкости и света. Она много читает, ее любимый писатель – Чехов. Уже в Париже она вышла замуж за Павла, моего деда. Он был молодым русским эмигрантом, потерявшим родителей в годы Гражданской войны. У него ничего не осталось, кроме большого ума, великой мудрости и необычайного спокойствия. Он умеет выслушивать людей и понимать их. Многие обращаются к нему в затруднительных положениях, просят у него совета.

Моего брата зовут Степан. Земля слишком мала для него: он чувствует себя удобно лишь в небе со своим парашютом и на глубине морской

со своим аквалангом. Это человек действия, физически и интеллектуально развитый. Вдобавок, он незаурядный поэт. Если бы он жил в древности, то был бы Александром Македонским.

Моя сестра Мария – это воплощение всего, о чем может мечтать настоящая женщина. Она героиня моего детства. В 17 лет она ушла из теплого и уютного дома, чтобы целиком посвятить себя заботе о нищих в трущобах Парижа. Живи она в средние века, быть ей Жанной д'Арк.

Моя молодость прошла в окружении людей высоких нравственных, интеллектуальных и физических качеств. Я часто размышляю о своих родителях, бабушках и дедушках, братьях и сестрах и нахожу в них образец величия в обыденной жизни.

В романе «Анна Каренина» Лев Толстой пишет: «Все счастливые семьи счастливы одинаково и всякая несчастная семья несчастлива по-своему». Однако мой личный опыт подсказывает мне обратное: счастье, как плод любви и добродетели, всегда уникально, несчастье же всегда одинаково серо и монотонно, как сера, монотонна и тоскливо однообразна жизнь без любви и добродетели.

Однажды один из моих студентов сказал мне: «Отец оставил меня еще до моего рождения, а мать была для меня никакой матерью. Где же мне найти примеры величия?»

Родителей не выбирают, но мы можем заполнить нравственный вакуум, созданный их недостатками, поискав общество добродетельных друзей. Главное – признать отсутствие в своей жизни положительного для нас влияния

окружающих и предпринять решительные действия, чтобы исправить ситуацию. *Признание отсутствия примеров величия в своей жизни и ответственное решение изменить курс – это, без сомнения, наиболее значительное лидерское действие, на которое способен человек.* Друзей, в отличие от родителей, мы выбирать можем, и если мы правильно их выбираем, то их влияние на нас может превзойти родительское.

На первом курсе юридического факультета в Париже я познакомился с Максимом, у которого в жизни было две страсти – Брюс Ли и Дева Мария. Мы очень скоро стали большими друзьями. Часто после занятий мы отправлялись либо в кинотеатр, чтобы повидаться с Брюсом, либо в Собор Парижской Богоматери, чтобы встретиться с Богородицей. Однажды Максим пригласил меня в центр «Опус Деи», католической организации, основанной святым Хосемарией Эскрива в 1928 году. Максим представил меня Ксавье, директору центра. Ксавье был лет на двадцать старше нас, он был профессором истории в Сорбонне и ведущим специалистом по истории мексиканской революции. Вскоре Ксавье стал моим духовным наставником. Своей искренней дружбой, своим профессиональным примером и отеческим попечением о моей внутренней жизни он оказал на меня огромное положительное влияние. Он помог мне по-новому осмыслить слова апостола Павла: «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»¹. Ксавье помог мне открыть свое призвание.

¹ 1 Кор 2, 9.

Друзья не заменяют родителей, но в жизни рано или поздно наступает время, когда друзья более важны, чем родители.

Мы обнаруживаем величие в наших близких, в наших друзьях, и в тех, кого мы встречаем на жизненном пути. Мы не должны отдаляться от них. Мы должны наблюдать за ними, изучать их, восхищаться их добродетелями и стремиться подражать им.

Откликайся на призыв красоты

В мировой культуре существуют такие шедевры, в которых этическое и эстетическое начала столь гармонично сочетаются, что вызывают в нас необычные эмоциональные переживания. Эйфория, порожденная этим чудом, разбивает узы нашей обывательщины и духовного мещанства, взрывает стены нашего комфорта. Такие произведения открывают нам величие человека, призывают нас к творческой и самоотверженной жизни, побуждают нас к действию.

Прочтя «Жанну д'Арк» Марка Твена (хотя речь идет о необычном для Твена произведении, он считал его лучшим из всего им написанного), лично я испытал то же самое чувство эйфории, что и после прочтения «Преступления и наказания» Достоевского. Главные женские образы этих книг – Жанна д'Арк и Соня Мармеладова – пробуждают во мне эмоции огромной силы. Подобные эмоции я испытываю, когда рассматриваю любимую икону Матери Божией.

На меня сильно повлияли такие фильмы, как «Зеркало» Андрея Тарковского (1975), «Огненные колесницы» Хью Хадсона (1981), «Охотник на оленей» Майкла Чимино (1978). Повлияли шансоны Жака Бреля – в них каждый стих, словно пощечина.

Вспоминаю сейчас песнопение «Величит душа моя Господа» из «Всенощной» Рахманинова в исполнении Клары Коркан. Эта песня – гимн красоте и величию творения. Много лет назад летними ночами на берегу Атлантики мы с друзьями слушали волшебный голос Клары.

Словно на гребне невидимой волны он возносил нас высоко к украшенным луной и звездами небесам, и все существо наше наполнялось ощущением могущества и славы Божией.

Одна лишь эстетика способна вернуть этике – добродетели! – силу, утерянную ею в новейшие времена. «Красота спасет мир», – говорит Достоевский, ибо Красота – самое непосредственное и полное выражение Добра и Истины. У каждого из нас свои художественные вкусы и пристрастия, но все мы призваны созерцать красоту, восхищаться ею и смело откликаться на ее призыв.

Открой свое призвание и будь верным ему

Упустить возможность из страха или лени – вот что заставляет великую душу более всего страдать. Для великодушной личности зло – это не то зло, что совершают другие, а добро, которое он лично не совершает.

Мы должны быть ответственными. Быть ответственным – значит дать *ответ* на «призыв человечества». Все мы призваны отказаться от своего эгоизма и проявить солидарность со всем человечеством. Этот «призыв человечества» обращен ко всем людям. Есть и другой призыв, тоже универсальный, но более специфичный и личный – это «зов Божий», или призвание. Бог призывает каждого из нас по имени.

Призвание относится к сфере бытия. С ним связан образ мышления и действия каждого человека. Призвание – это критерий, по которому мы оцениваем все наши поступки, начало, дающее единство всей нашей жизни.

Если призыв человечества обращен к совести, то призыв Божий обращен к сердцу. Божий призыв более сокровенный, чем призыв человечества. Кто не слышит призыв человечества, тому не услышать призыв Божий. И наоборот: кто слышит призыв человечества и великодушно откликается на него, тот в состоянии услышать и призыв Божий.

Ответить на Божественный призыв – значит проявить богословскую надежду, поскольку мы верим, что *Бог даст нам силу* сохранить верность нашему призванию. Но в первую очередь – это значит проявить великодушие, поскольку

мы верим в силу талантов, которые Бог уже даровал нам, и мы благодарны Ему за них.

Бывает иногда, что люди, выросшие в благочестивых семьях и получившие прекрасное нравственное и культурное образование, поворачиваются спиной к своему призванию. Это крайне печальное зрелище. Но бывает и так, что люди, выросшие в тяжелой семейной среде, практически лишенные воспитания и образования, открывают свое призвание и следуют ему с большой верностью. Богатый юноша¹, о котором повествует Евангелие, благочестивый молодой человек – из хорошей семьи! – отказывается от Христова призыва, от призвания, а Мария Магдалина², женщина, одержимая семью бесами, обнаружив свое призвание, отдается ему со всей силой щедрой души. Богатый юноша потрясает нас своим малодушием, Мария же – своим великодушием. Малодушный не в состоянии понять цену полученного им дара; великодушный же верит, что и то малое, что он получил, бесценно.

В связи с этим расскажу историю моего финского друга по имени Эса. Я познакомился с ним в 1991 году, когда он был 45-летним журналистом, прожившим совсем не легкую жизнь. Его отец-алкоголик утонул, когда Эса был еще совсем маленьким, а мать была не в состоянии воспитывать Эсу и его брата. В 1968 году брат пошел в свидетели Иеговы, а Эса – в «Штази», тайную полицию тогдашней Германской Демократической Республики. Позже он основал сеть коммунистических шпионов в Западном Берлине.

¹ См. Мф 19:16-30.

² См. Лк 8:2.

В конце 1970-х, приехав ненадолго в Хельсинки, Эса неожиданно встретил на улице своего старого школьного друга. Эта встреча все перевернула в его жизни. Теплота, с которой друг обратился к нему, и убедительная сила его слов запустили в сердце тайного агента процесс преобразования. Произошло это буквально в течение нескольких часов.

На срочно организованной в отеле одного из городков центральной Финляндии пресс-конференции Эса публично признал, что он – шпион, после чего сдался в руки полиции. По приговору суда он получил полгода тюремного заключения условно. Позже Эса всей душой откликнулся на свое христианское призвание, получив бесценный дар – дар своего обращения.

Узнай свой талант и умножь его

Шотландский бегун Эрик Лидделл прекрасно осознавал свой талант: «Я верю, что Бог создал меня с определенной целью, но Он и сделал меня быстрым». У Лидделла было миссионерское призвание, и он понял это (будучи миссионером, погиб в 1945 году в японском концентрационном лагере в Маньчжурии). Но в то же время он не собирался зарывать свой спортивный дар в песок. На парижской Олимпиаде 1924 года он отказался бежать свою коронную дистанцию в 100 метров по религиозным соображениям: соревнование было назначено на воскресенье. Но это не мешало ему усиленно тренироваться, чтобы участвовать в других соревнованиях и, в конце концов, побить мировой рекорд в беге на 400 метров.

Подобно Эрику Лидделлу, американская писательница Фланнери О'Коннор была уверена в своем таланте. Когда однажды перед весьма широкой аудиторией ей был задан вопрос, почему она пишет книги, она однозначно ответила: «Потому, что пишу хорошо». Аудитория возмутилась: «Это гордыня!» На самом деле, это была не гордыня, а великодушие.

В чем я силен? Что я умею делать хорошо? Мы не всегда это ясно осознаем. «Большинство людей, – утверждает Питер Друкер, – полагают, что знают, в чем они сильны. Как правило, они ошибаются. Единственный способ узнать свой талант – анализ обратной связи»¹. Трудно

¹ P. Drucker, *Management challenges for the 21st Century*, New York: HarperCollins Publishers, 2001, pp. 164 and 179.

познать свои силы в возрасте до 25 и даже 30 лет. Нужно испробовать множество различных путей, попросить наших близких и наших друзей помочь нам обнаружить то, что мы по-настоящему делаем хорошо.

Определив свои способности и таланты, нам необходимо активно их развивать. *Очень важно преодолевать свои слабости, но куда важнее развивать свои силы.*

Вложи всю свою энергию в исполнение своей миссии

Призвание – это призыв к тому, чтобы мыслить, чувствовать и действовать *определенным образом*; миссия – это призыв к тому, чтобы делать *определенное дело*. Призвание – это наш способ бытия; миссия – это наш конкретный и специфичный вклад в общее благо. Призвание – это божественный призыв; миссия же – результат сугубо человеческих соображений, хотя бывают и боговдохновенные миссии (миссии Моисея, Жанны д'Арк, Матери Терезы, и т.п.).

Призвание формирует контекст, в котором мы осознаем и реализуем свою миссию. Без призвания лидерство *лишается смысла*; без миссии же лидерство *лишается содержания*.

У многих людей есть ясное видение своего призвания, однако им трудно определиться с миссией. Причина этой растерянности в том, что они либо не до конца осознают собственные таланты, либо обладают недостаточным воображением. У других людей, напротив, есть ясное видение своей миссии, но нет четкого понимания собственного призвания. Причина тут – отсутствие или недоразвитость религиозного чувства.

Определив свою миссию, мы должны посвящать ей всю свою энергию. В 1963 году два православных священника Александр Мень и Дмитрий Дудко навестили писателя Александра Солженицына в его доме в Рязани. Солженицын только что опубликовал повесть «Один день Ивана Денисовича», сделавшую его

знаменитым и положившую начало его общественной деятельности. Двадцать лет спустя Александр Мень вспоминал об этой встрече: «У Солженицына был очень живой разговор, и я подметил, что он здорово зациклен на своих темах. Я это не осуждаю, а приветствую: он мог все равнодушно пропускать мимо ушей, но едва только раздавались слова, бывшие для него позывными сигналами, – он сразу вставал, сразу оживал. Когда Дудко сказал, что сидел в таком-то лагере, так он сразу поднялся: что, как, и – тут же в записную книжечку. Тут же записывать»¹.

У каждого из нас своя миссия; мы обнаруживаем ее, когда осознаем свои таланты и способности. Выполнение этой миссии требует от нас всей нашей жизненной энергии.

¹С. С. Бычков, *КГБ против священника Александра Меня*. Вестник русского христианского движения, № 196. М., Русский путь, 2010.

Не бойся неудач

Противоположность великодушия – малодушие. Малодушие – это ошибочное представление о себе самом и о своих способностях. Малодушный считает себя неспособным к великим свершениям, он испытывает страх перед возможной неудачей. Страх порождает отчаяние, а отчаяние парализует дух, что препятствует действию.

Отчаяние – это порок. Причем порок более опасный, нежели самонадеянность. Самонадеянность обманывает человека насчет его реальной силы, но не мешает ему двигаться вперед, учиться на ошибках, изменяться; отчаяние же обрекает его на бездействие и духовную смерть.

В 1949 году, сумев преодолеть страх перед возможным провалом, оперная певица Мария Каллас вышла на новый виток своей карьеры. Маэстро Туллио Серафин попросил ее заменить заболевшую Маргериту Карозио в партии Эльвиры в опере Беллини «Пуритане». Марии Каллас он давал всего шесть дней на то, чтобы выучить роль. Каллас протестовала: Эльвира не ее партия, и она несовместима с партией Брунгильды в вагнеровской «Валькирии», которую Каллас по договору исполняла уже три раза в неделю. Но Серафин заверял ее: «Ручаюсь, что можешь»¹.

За короткий срок Каллас освоила одну из сложнейших ролей в репертуаре, подчинив свой талант невообразимому давлению. «То,

¹ Callas: *In Her Own Words*. Audio Cassette.

что сделала Каллас, невероятно, – утверждал Франко Дзеффирелли, известный режиссер и театральный постановщик. – Нужно быть хорошо знакомым с оперным искусством, чтобы понять масштаб ее достижения. Это все равно как попросить Биргит Нильсон, известную своим чудесным вагнеровским голосом, вдруг заменить Беверли Силлз, одну из величайших колоратурных сопрано нашего времени»¹.

Глубоко драматическое исполнение Каллас партии Эльвиры потрясло весь музыкальный мир. В одночасье певица стала звездой с мировой известностью. Каллас по сути изменила все оперное искусство, выступив не только как певица, но и как актриса. По словам Монсеррат Кабалье, «она открыла для нас, оперных певиц всего мира, новый путь – путь, который до тех пор был закрыт. Я имею в виду не только высокую музыку, но и высокую интерпретацию. Мария Каллас дала нам возможность делать то, что раньше было практически невозможно»².

Сумев преодолеть страх перед возможным провалом, Мария Каллас стала оперной дивой всех времен и народов.

¹ *Callas: As They Saw Her*, D. A. Lowe, New York: Ungar Publishing Company, 1986.

² J. Ardoin, G. Fitzgerald, *Callas: The Art and the Life*, New York: Holt, Rinehart and Winston, 1974.

Дай волю своему воображению

Движимые чувством ненависти и страстью к разрушению, демонические личности часто демонстрируют необычное, фантастическое воображение. В августе 1914 года Владимир Ленин, наблюдая на вокзале в Кракове раненных на войне солдат – окровавленные, покалеченные тела, – вдруг неожиданно понял: надо как можно дольше растянуть войну – довести до предела человеческое страдание! – до тех пор, пока она не перерастет в войну гражданскую и не сметет все правительства Европы.

Не только бесы, но и святые обладают мощным воображением. В сентябре 1946 года, в поезде по пути в Дарджилинг, наблюдая полную, беспросветную нищету вокруг себя, мать Тереза вдруг поняла, что призвана стать матерью для самых нищих, разделять их внутреннее одиночество, их чувство покинутости и заброшенности. Она поняла, что призвана свидетельствовать перед миром о безмерной любви Божией к каждому человеку.

Воображение Ленина – плод ненависти, обостренной дьявольским вмешательством; воображение Терезы – плод любви, преображенной благодатью Божией.

Любовь должна стать движущей силой нашего воображения. Любовь к Богу, любовь к человеку, любовь к миру – любовь ко всему хорошему и благородному, что есть в мире.

Марюс Миньоль, изобретатель радиальной шины, испытывал настоящую страсть к ши-

нам. «Если вы не любите шин страстно, – говорил он своему молодому коллеге Франсуа Мишлену (который позже стал его боссом), – то для вас нет места в компании “Мишлен”»¹.

Франсуа, который в течение своего 45-летнего мандата вывел компанию с десятого места в лидеры, сразу усвоил урок. Он страстно полюбил шинное дело, в каком-то смысле сам стал блестящим изобретателем. Рене Зинграфф, второй человек в компании, вспоминает: «Во Франсуа Мишлене особенно поражало его творческое воображение. Он был творческой личностью. Он постоянно общался с инженерами и исследователями, постоянно побуждал их двигаться дальше, убеждал не останавливаться на достигнутом, открывал перед ними новые горизонты и перспективы»².

Любовь должна стать движущей силой воображения. Но этого недостаточно. Еще надо посвящать время воображению, подпитывать его постоянно и устремлять к самым его пределам.

¹ *Michelin – Son histoire...*

² *Там же.*

Скажи «нет» гедонизму

В современном мире торжествует малодушие. Значительную роль в его распространении играет гедонизм – культура наслаждения любой ценой. Гедонизм убивает в душах людей чувство величия. Первые его жертвы – подростки:

«В психиатрии и психологии, – пишет известный детский психолог Ирина Медведева, – существует понятие стадий психического развития. Подростково-юношеский период называется “романтическим”. Современная культура изъяла из самой сердцевины юности как раз то, что облагораживает страсти, – романтизм, идеализм, возвышенный образ мыслей. А без этой идеальной вертикали онтологически присущие юности мечты “о доблести, о подвигах, о славе” вырождаются в нелепый кураж, разгул плотских страстей. Доблесть – нахамить, “нажраться и отрубиться”, “забить (в смысле наплевать) на все”, уметь выигрывать в азартные игры, быть расчетливым ловкачом, использовать людей в своих интересах»¹.

В своем «Портрете Дориана Грея» Оскар Уайльд с глубочайшим реализмом описывает процесс духовного разложения юноши, отдавшегося гедонизму. Его душа извращается, а сердце суживается.

Мы сказали раньше, что молодым людям легче практиковать великодушие, чем людям более старшего возраста. Но ход времени – не единственный способ стареть. Увлечшись куль-

¹ Ср. И. Медведева, Т. Шишова, *Молодежь, которая не хочет взрослеть*. Фонд «Русская цивилизация» (19.09.2006).

том секса, человек стареет раньше срока. Вокруг нас великое множество духовных стариков – глубоких стариков! – телом не достигших и 15-летнего возраста.

Скажи «нет» эгалитаризму

Триумф малодушия – результат гедонизма. Но не только. Значительную роль в процессе сокращения человеческого достоинства играет социализм с его уравнительной демагогией.

В знаменитой речи Калликла в платоновском диалоге «Горгий» есть большая доля истины. «Стараясь запугать и побеждать более сильных – тех, кто способен над ней возвыситься», толпа отрицает любое превосходство, называет его «постыдным и несправедливым» и утверждает, «что в стремлении подняться выше других как раз и состоит несправедливость». Вот почему «самых лучших и решительных среди нас людей мы берем еще в детстве, словно львят, и поработаем детскими трюками, внушая им, что все должны быть равны и что именно это прекрасно и справедливо»¹.

Следует считать правильным стремление войти в число интеллектуальной, коммерческой, художественной или спортивной элиты своей страны, а то и всего мира: стремиться войти в элиту, *чтобы служить людям как можно более эффективно*, – это проявление великодушия.

По достоинству люди решительно равны между собой, но по талантам и способностям они решительно неравны. Есть что-то демоническое в стремлении уравниать всех. Вспомним слова Петра Верховенского – одного из «Бесов» Достоевского: «Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. <...>

¹ Платон, *Горгий* 483а.

Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! <...> Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза. Шекспир побивается камнями. <...> Рабы должны быть равны. <...> В стаде должно быть равенство»¹.

Вслед за Достоевским, Антуан де Сент-Экзюпери жестко критиковал искушение эгалитаризмом, превращающим людей в животных и целые народы – в откормочные фермы.

Эгалитаризм, как и гедонизм, уничтожает в человеке чувство величия.

¹ Ф. Достоевский, *Бесы*. Часть 2, глава 8.

Ищи величие в самых обыденных ситуациях

Нет ничего более великого, чем Бог. Но Бог сокрыт в самых простых и банальных вещах. Вспомним известные стихи Соловьева-поэта:

«Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье божества...»¹.

Вспомним и слова Хосемарии Эскрива, испанского священника, получившего название «святого повседневности»:

«Бог ждет нас каждый день в лаборатории, в операционной, в казарме, на университетской кафедре, на фабрике, на заводе, в мастерской, в поле, в семье, словом – везде, где трудятся. Что-то есть божественное и сокровенное в самых простых вещах, и каждый из вас должен открыть это что-то...»²

Слишком часто мы ищем величия в великих подвигах, в несбыточных мечтаниях. Мы не понимаем, что величие можно обрести *здесь и сейчас* – в самой материальной, сиюминутной и осязаемой реальности.

Великодушный Бог, который «может сделать неизмеримо больше того, о чем мы Его просим и что можем себе представить»³, скрывается в событиях повседневной жизни. *Отказаться от обычного в пользу необычного – то же самое, что и отказаться от добродетели в пользу развлечения.* На этом пути саморазвитие невозможно.

¹ В. Соловьев, поэма «Три свидания».

² Х. Эскрива, *Беседы с о. Эскрива*, № 114.

³ Эф 3:20.

Русский историк Василий Ключевский нарисовал для нас портрет известного церковного деятеля XVII века – патриарха Никона, чьи болезненные реформы привели к драматичному и продолжительному расколу в Русской Православной Церкви. Никон не понимал величия повседневной жизни: «В спокойное время, в ежедневном обиходе он был тяжел, капризен, вспыльчив и властолюбив. <...> Он принадлежал к числу людей, которые спокойно переносят страшные боли, но охают и приходят в отчаяние от булавочного укола. <...> Он скучал покоем, не умел терпеливо выжидать; ему постоянно нужна была тревога, увлечение смелой ли мыслью или широким предприятием. <...> Это словно парус, который только в буре бывает самим собой, а в затишье треплется на мачте бесполезной тряпкой»¹.

Треплется на мачте бесполезной тряпкой... Вряд ли это образ подлинного лидера. Подлинное лидерство основано не на эмоциях и внешних стимулах, а на добродетелях – то есть на стабильных привычках характера. *Если ты не лидер во все времена – значит, ты и не лидер вовсе.*

Искать величия в самых обычных ситуациях – одно; упускать возможность сотворить выдающиеся дела в пользу всего человечества – это совсем другое. Многие люди, помешанные на обычном, не видят уникальных талантов, которыми они обладают, и уникальной ответственности, из них вытекающей.

¹ В. Ключевский, *там же*. Глава 54.

ГЛАВА 5. Как возрастать в смирении

Теперь поговорим о том, как воспитать в себе смирение.

Чтобы воспитывать в себе смирение, надо сначала охватить умом весь объем этой добродетели.

В собственном смысле смирение есть *привычка жить в истине*. Жить в истине – значит признавать свое положение тварного существа, а также свои естественные слабости и личные ошибки. Жить в истине – значит признавать свое достоинство и величие, свои добродетели и таланты. Жить в истине – значит признавать достоинство и величие других.

Смирение есть результат познания Бога, познания себя и познания других.

Осознай свою ничтожность (метафизическое смирение)

Практиковать смирение – значит в первую очередь осознавать свой статус тварного существа. Мы не боги, а творения Божии. Без Бога мы не существуем. Бог создал нас из ничего и постоянно сохраняет нас в бытии. Если Он перестанет думать о нас хотя бы на секунду, то мы тут же превратимся обратно в ничто. Автономный человек, человек, независимый от Бога, – это чистой воды *не-бытие*.

Истина о существовании Бога и сохранении творений в бытии – это *метафизическая* истина. Метафизика занимается источником бытия. Смиранный человек устремляет свои взоры к Богу, неиссякаемому источнику его бытия. Метафизическое смирение – самый глубокий аспект смирения.

Смирение – это *религиозная* добродетель, это естественное поведение творения перед лицом Творца. В античной философии мы не найдем реальной концепции смирения. Греческие мудрецы оказались не в состоянии ее сформулировать, поскольку не имели подлинного представления о Боге, Его трансцендентности и творящей силе. Они не имели представления о Боге, дарующем жизнь и поддерживающем ее каждое мгновение и тем самым ожидающем от человека – Его творения – смиренной и доверчивой молитвы.

Признавая собственную *ничтожность* (не самобытность), мы тем самым признаем величие Бога, дарующего нам бытие. Мы обретаем внутренний мир и уверенность в действии, ибо

понимаем, что Бог – не просто Творец, но и Отец вселюбящий и всемогущий.

Люди, кичащиеся своей независимостью и автономией от Бога, не могут обрести внутренний мир, ибо ежедневно, ежеминутно не могут не ощущать свои недостатки и свою ограниченность. Счастье без Бога – это противоречие в терминах.

Осознай свою слабость (духовное смирение)

Практиковать смирение – значит осознавать свое духовное убожество. В человеке, по словам Аристотеля, есть «нечто, что противится и сопротивляется разуму»¹. Иудео-христианская традиция толкует этот духовный беспорядок, эту тройную склонность к гордыне, богатству и наслаждению, как результат антропологической катастрофы, которую она называет грехопадением. Библейский рассказ о грехопадении и его последствиях имеет смысл только для тех, кто почитает Библию, но сам факт израненной человеческой природы бесспорен: «добрый дикарь» Жан-Жака Руссо – миф.

Отрицание первородного греха – трагическая ошибка: кто не видит корней зла, тот не поймет, как его преодолеть. А преодолеть его можно через совместную практику природных добродетелей, приобретенных собственным усилием, и добродетелей сверхприродных, даруемых нам Богом через молитву и таинства, установленные Христом.

Как-то я принес в подарок Франсуа Мишлену экземпляр французского издания «Нравственного лидерства». Взглянув на обложку, он улыбнулся, а потом сказал: «Все это, конечно, здорово, но если Вы не говорите в своей книге о первородном грехе, вы многого не добьетесь. Это все равно как продать людям оборудование без инструкций по его использованию». Мишлен был приятно удивлен, когда я сообщил ему, что я как раз об этом и говорю, и говорю очень много.

¹ Аристотель, *Никомахова этика*, по2b 14-28.

Практиковать смирение – это значит еще и признать свои личные проступки против добродетелей и природного морального закона. Иудео-христианская традиция именует эти проступки *грехами*, ибо они представляют собой обиды, наносимые Богу, Творцу человека и автору природного закона.

Современный мир утратил чувство греха, ибо утратил чувство Бога. Если Бога нет, то и оскорбить Его нельзя; нет и другого преступления, кроме «преступления против человечества», преступления против человека. Однако Бог есть, и любой проступок – против Бога, против других, против самого себя – есть *грех*. Своими проступками мы оскорбляем Бога бесконечно больше, чем оскорбляем человека.

Наконец, практиковать смирение – значит признавать собственные ошибки. Наши ошибки не оскорбляют Бога, мы не должны их бояться. Однако эти ошибки надо признавать, на ошибках надо учиться. «Число ошибок, – говорит Франсуа Мишлен, – которые я совершил и которые моя компания помогла мне отметить и исправить, – значительно. Но без этого я никогда бы не смог расти как личность»¹.

¹ *Michelin – Son histoire...*

Осознай свое достоинство и величие (онтологическое смирение)

Практиковать смирение – значит осознавать свое собственное достоинство. Человек – существо личностное. Он подобен Богу. Он одарен разумом и волей. Он свободен. Это уже не метафизическая, а *онтологическая* истина. Онтология занимается бытием. Смиранный человек знает, что его достоинство – изначальный, сущностный и неотъемлемый дар Божий.

Христианство утверждает, что человек становится сыном Божиим через веру во Христа. «Кто не осознает своего богосыновства, – говорит Эскрива, – тот не знает самой главной истины о себе самом»¹. Трудно вообразить более высокое достоинство, чем достоинство сына или дочери Бога. Но истина о богосыновстве – не философская, а богословская истина: мы познаем ее через веру. Одним только разумом человек не способен понять себя самого. Ему нужна вера, религиозная вера. Человек понимает себя самого, когда слышит голос Божий, глаголющий: «Ты – сын мой... Я очистил тебя от грехов твоих в крови Христа Иисуса... Не видел того глаз, не слышало ухо, не приходило то на сердце, что Я приготовил тебе»². Бог открывает человеку его достоинство и вечное предназначение. Своим рассудком человек понимает, что он существо не только материальное, но и духовное, поскольку он обладает рациональным умом и свободной волей. Рассудком человек осознает силу своего духа и своего сердца. Но человек

¹ Х. Эскрива, *Друзья Божии*. Царское Село, Белый Камень, 2008. N. 26.

² См. Гал 4:6; 1 Ин 1:9; 1 Кор 2:9.

познает себя и узнает окончательный смысл своей жизни через веру. Подлинное смирение – жизнь в истине – невозможно без веры.

Человек без Бога – ничто, но человек с Богом – почти Бог. Осознать свою ничтожность – одно, считать себя ничтожным – совсем другое.

Признание собственного достоинства и величия – это проявление не только великодушия, но и смирения, ибо это приближает нас к истине о себе самих.

Осознай свой талант (психологическое смирение)

Практиковать смирение – значит осознавать свой талант. Многие люди, по психологическим причинам, не думают о своих талантах и не говорят о них: они боятся грешить против скромности. На самом деле, можно говорить о своих талантах естественно, без хвастовства. Подлинно смиренному человеку не нужна скромность, потому что его намерения чисты: он не ищет оваций и признания людей. Он только хочет служить как можно лучше.

Признание собственного таланта, как и признание собственного достоинства, – это проявление не только великодушия, но и смирения, ибо это приближает нас к истине о себе самих. *Мы должны иметь смирение признать собственные таланты.*

Признавая собственные таланты, мы благодарим Бога, нас сотворившего. Не признавать своих талантов – это не смирение, а неблагодарность.

Нужно признать свой талант и использовать его эффективно. Бог будет жестоко наказывать тех, кто из *малодушия* отказывается использовать данные ему таланты.

Некий человек, отправляясь в чужую страну, «призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов¹, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие

¹ Талант – счетно-денежная единица, использовавшаяся в античные времена. Из Библии слово «талант» распространилось в переносном смысле: как дар Божий, возможность творить, и творить нечто новое, не пренебрегая им.

пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего.

По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего.

Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов!»¹.

¹ Мф 25, 14-30.

Эта евангельская притча, известная как «притча о талантах», четко проясняет разницу между смирением и малодушием. Смиренный человек не боится своего таланта; он боится того, что может не использовать его, может не умножить его. Малодушный же человек роет яму и зарывает в нее свой талант, и с ним – себя самого.

Притча также говорит нам, что людей нельзя сравнивать, поскольку они не равны друг другу: «одному дал он пять талантов, другому два, иному один». Многие люди способны творить настоящие чудеса, но творят лишь пошлость, сравнив себя с массой – с теми, кто один лишь талант получил.

Осознай достоинство и величие других (братское смирение)

В лидерстве братское смирение – это тот аспект добродетели смирения, который более всего нас касается. Братское смирение – это привычка служить людям.

Братское смирение – это *вершина* смирения. Братское смирение предполагает метафизическое смирение, позволяющее нам узреть в других *присутствие* Бога (Своим непрерывным даром бытия Бог присутствует в каждом человеке), и онтологическое смирение, позволяющее нам узреть в каждом человеке личность, т.е. образ Божий.

Мы не можем служить человеку, если не понимаем, что такое человек. Служить человеку можно только в истине о человеке.

Если многие ужасы в истории человечества творились во имя Бога, то еще больше ужасов свершалось во имя человека. Разве коммунизм с его диктатурой пролетариата и тоталитарным проектом упразднения семьи, религии и частной собственности¹ не преподносился как гуманистический прорыв, как кульминация исторического развития человечества и воплощение его чаяний? Разве кровавая французская революция во многих книгах и учебниках до сих пор не представляется как позитивное проявление гуманизма? Характерно, что всего лишь четыре года отделяют *Декларацию прав человека и гражданина* (1789) от начала якобинского «революционного террора» (1793).

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Манифест коммунистической партии*.

Если мы не понимаем, что такое человек, то можем легко использовать «права человека» против самого человека. Сегодня во многих странах политика по отношению к человеческой жизни (аборт, эвтаназия, клонирование человеческих эмбрионов, усыновление детей гомосексуальными парами) показывает, что ничего на самом деле не изменилось. Понятие «человек» остается некоей абстракцией, и главная жертва этого абстрактного человека – человек реальный, человек, созданный по образу и подобию Божию. Повторюсь: мы не можем служить человеку, если мы не понимаем, что такое человек. Служить человеку можно только в истине о человеке.

Если братское смирение включает в себя метафизическое и онтологическое смирение, то оно включает в себя также духовное и психологическое смирение. Только тот, кто осознает свои слабости (духовное смирение), может их преодолевать и совершенствоваться, чтобы служить людям эффективно. Только тот, кто осознает свои таланты (психологическое смирение), может их использовать и развивать, чтобы служить людям великодушно.

Практиковать смирение – значит жить для других, служить им. Но смиренный человек понимает, что и другие живут для него, служат ему и предлагают ему каждый день что-то свое, личное и сокровенное.

Русская поэтесса Ольга Седакова, хорошо знавшая папу Иоанна Павла II, как-то вспоминала: «Ему что-то нужно было для себя лично в каждом, кого он встречал. Он спрашивал: “Что

ты мне скажешь?” – не для того, чтобы про тебя что-то узнать: в каком ты состоянии и как тебя надо спасать. Он смотрел на человека с таким интересом и надеждой, словно говорил: “Ну что же ты мне скажешь, что ты мне откроешь нового и прекрасного, чем ты меня одаришь?”»¹

Практикуя смирение, лидер учит и вдохновляет людей, которыми он руководит. Но в то же время он учится у них, воспринимает их как дар для самого себя: с их помощью он растет и совершенствуется как личность.

Практиковать смирение – значит служить другим и позволять другим служить тебе. Очень многие из-за отсутствия смирения не хотят, чтобы им служили. В результате они не позволяют другим реализовать себя как личности.

¹ О. Седакова, *Дни Иоанна Павла II. Вечер воспоминаний об Иоанне Павле II*, Общество Иоанна Павла II, Москва, 2008. Стр. 28.

Заключение

В «Нравственном лидерстве» я попытался объяснить, что лидерство – вопрос не техники, а *характера*, вопрос добродетели. В этой книге я постарался показать, что лидерство – это не просто нравственное упражнение, а жизненный идеал, поскольку специфические качества лидера – величие и служение – обладают мощным экзистенциальным зарядом, проникающим в самые глубины человеческих сердец.

Великодушие и смирение – добродетели, способствующие не только личностному *росту*, но и личностному *расцвету*.

Никто не рождается великодушным и смиренным; никто не рождается лидером. Лидерство – результат свободного выбора и напряженной работы над собой. «Мир полон людей, подававших большие надежды в молодые годы, но затем превратившихся в настоящих посредственностей», – пишет Питер Друкер. Точно так же, говорит он, «мир полон людей, начинавших как самые рядовые труженики, но затем ставших суперзвездами. Пытаться в долгосрочной перспективе определить потенциал человека – задача еще более сложная, чем сорвать банк в казино Монте-Карло. И чем “научнее” система, тем более рискованно и предприятие»¹.

Нам не дано знать, как будут развиваться люди, о которых мы заботимся, по той простой причине, что люди свободны. Мы не в состоянии предвидеть даже ход нашего собственного духовного развития. Но сделать выбор в пользу

¹ P. Drucker, *The Practice of Management*. Elsevier, Oxford, 2005, p. 150.

великодушия и смирения и мужественно следовать ему — вот на это все мы способны.

Постскриптум 1 – Средства

Я указал *путь* к великодушию и смирению. Сейчас надо сказать несколько слов о *средствах*, к числу которых принадлежат:

- 1) наставничество;
- 2) жизненный план;
- 3) самопроверка.

Позвольте мне коротко определить эти понятия, я уже говорил о них в своей книге «Нравственное лидерство»:

1) *Наставничество*. Нам необходимо смирение, чтобы принять саму идею наставничества. Но без наставничества мы не сможем двигаться вперед. Личность невозможно воспитывать в массе. Книги по самосовершенствованию нужны – они дают общее направление, – но они не могут заменять личное духовное руководство. Каждый человек нуждается в советах, соответствующих конкретным обстоятельствам его жизни и специфичным чертам его души. Это работа наставника. Хороший наставник глубоко проникает в душу того, кого он наставляет, и разрабатывает вместе с ним реалистичный, хоть и требовательный, план действия. Поэтому следует поискать среди близких друзей мудрого и достойного советчика, способного помочь в определении и достижении наших краткосрочных и долгосрочных целей.

2) *Жизненный план* включает в себя ежедневные и еженедельные духовные упражнения. «Жить по расписанию» нелегко, но это базовое условие лидерства.

3) *Самопроверка.* Нужно проверять себя каждый день. В конце каждого дня надо выделять хотя бы три минуты своему «испытанию совести» – исследовать свои поступки в предыдущие 24 часа. Мы должны раскрыть причины наших проступков и наметить себе конкретные цели на следующий день.

Кроме того, несколько раз в год необходимо совершать более глубокое испытание совести. С этой целью я составил список вопросов, способных направлять нашу самопроверку. Это вопросы о том, как мы практикуем специфичные добродетели лидера – великодушие и смирение – и четыре добродетели, которые являются фундаментом лидерства, – благоразумие, мужество, самообладание и справедливость.

Великодушие

- ✓ Осознаю ли я свое достоинство как человека и как личности? Осознаю ли я весь потенциал моего духа, моего сердца, моей свободной воли?
- ✓ Понимаю ли я, что призван совершать великие дела, и величайшее из них – мое духовное развитие и духовное развитие окружающих меня людей?
- ✓ Ищу ли я общения великодушных людей, которые своими советами и своим примером помогают мне стать великодушным?

- ✓ Ставлю ли я высокие цели перед собой и другими? Стараюсь ли повседневно совершенствовать свой характер и свои поступки?
- ✓ Знаю ли я, в чем я силен? Прошу ли я друзей помочь мне открыть свой талант и умножить его?
- ✓ Очень важно преодолевать свои слабости, но куда важнее развивать свои силы. Принимаю ли я это?
- ✓ Верю ли я в себя, в свои таланты и способности?
- ✓ Какова моя миссия в жизни?
- ✓ Сосредотачиваю ли я всю свою жизненную энергию на исполнении своей миссии или, напротив, рассеиваюсь в разных направлениях?
- ✓ Внушаю ли я чувство миссии своим друзьям и коллегам?
- ✓ Способен ли я принимать смелые решения? Умею ли я рисковать, преодолев страх возможных неудач?
- ✓ Вижу ли я в препятствиях вершины, которые надо завоевать, или, напротив, препятствия являются для меня поводом к пессимизму?

- ✓ Подпитываю ли я свое воображение? Готов ли я устремлять его к самым его пределам.
- ✓ Мне надо бояться не зла, которое совершают другие, а добра, которое я лично не совершаю. Понимаю ли я это?

Смирение

- ✓ Уважаю ли я достоинство других, в частности, достоинство тех, кем руковожу?
- ✓ Лидеры привлекают, а не подталкивают; учат, а не приказывают; вдохновляют, а не распекают. Лидер не проявляет власти над другими – он дает другим возможность проявить себя. Понимаю ли я это?
- ✓ Поощряю ли я всех без исключения членов моей организации высказывать свое мнение и вносить свой вклад в решение стоящих перед организацией задач?
- ✓ Отказываюсь ли я вмешиваться в деятельность своих подчиненных без особой причины? Отказываюсь ли я обращаться с ними, как обращаются с детьми?
- ✓ Отклоняю ли я искушение выполнять работу подчиненных вместо них?
- ✓ Готов ли я с радостью делегировать свои полномочия?
- ✓ Стремлюсь ли я развивать в каждом из членов моей команды чувство свободы и личной ответственности так, что каждый принимает участие в принятии решений и каждый отвечает за их результаты?

- ✓ Стараюсь ли я делать все, что в моих силах, чтобы укрепить приверженность членов моей команды целям их общей миссии?
- ✓ На встречах команды побуждаю ли я молчаливых членов высказаться, а упрямых – уступать? Ограничиваю ли болтливых, помогаю ли пессимистам увидеть положительные стороны дела? Подвергаю ли сомнению общепринятое мнение?
- ✓ Добровольно ли я отказываюсь от своих суждений (если речь не идет о принципиальных вопросах), когда группа принимает решение, противоположное моей позиции? Участвую ли с энтузиазмом в реализации всех принятых решений (даже тех, которым в начале сопротивлялся) и разделяю ли ответственность за них вместе с моими коллегами?
- ✓ Чем я больше озабочен – успехом своей организации или своим собственным? Делюсь ли информацией? Создаю ли условия, чтобы другие могли привести мою работу к успешному завершению?
- ✓ Правильно ли я подбираю своих ближайших сотрудников? Открываю ли путь для преемников, выявляю, развиваю и обучаю ли будущих лидеров?
- ✓ Ценю ли я служение другим? Подпитываю ли свои альтруистические мотивы?

- ✓ Человек с альтруистической мотивацией более подходит для руководящей должности. Понимаю ли я это?
- ✓ Учусь ли я у тех, которыми руковожу?

Благоразумие

- ✓ Перед принятием решения подвергаю ли я любую важную информацию критическому анализу? Проверяю ли я надежность источников? Пытаюсь ли я отличать объективные факты от субъективных мнений, истину от полуправды?
- ✓ Все мы склонны извращать действительность, пока она не придет в соответствие с нашими страстями и интересами. Таким образом, вместо того чтобы искать способы решения наших проблем, мы склоняемся к поиску проблем, которые подходят к нашим решениям. Практикую ли я мужество в поисках истины и искренность с самим собой?
- ✓ Временами тирания моды и стремление к политкорректности почти автоматически ведут нас к отказу от некоторых истин, поскольку мы считаем их трудными. Практикую ли я мужество, чтобы жить по правде?
- ✓ Предвзятость – результат невежества. Она преодолевается смирением. Охотно ли я признаю свои предубеждения и откладываю их в сторону?
- ✓ Гордец считает истинным то, что льстит его гордыне; сладострастник – то, что дает ему удовольствие; стяжатель – то, что умножает его капитал; трус – то, что

оправдывает его бездействие. Добродетели, просвещая разум, укрепляя волю и очищая чувства, позволяют нам воспринимать мир, жизненные события и людей такими, какие они есть, а не такими, какими мы их себе представляем. Без этой объективности, которую дают добродетели, мы не можем принимать верные решения. Стараюсь ли я возвращать в себе добродетели?

- ✓ В попытке предвидеть вероятные последствия наших действий нам помогает личный опыт. Но если нам недостает такого опыта, следует прибегать к опыту других. Умею ли я учиться на чужом опыте?
- ✓ Является ли для меня успешное выполнение миссии организации основным критерием принятия решений?
- ✓ Понимаю ли я, что миссия организации – это вклад, который она вносит в общее благо, а не ее способность превзойти конкурентов?
- ✓ Лидеры сталкиваются с избытком пугающих моральных и этических проблем, решение которых редко можно найти в книгах. Нет безошибочной техники, ведущей к совершенству; совершенствование требует бесконечной способности к адаптации, которая проистекает из добродетели благоразумия. Уделяю ли я время своему нравственному воспитанию?

- ✓ Ищу ли я совета у компетентных людей? Подбираю ли соратников, которые могут бросить мне вызов?
- ✓ Лидеры чувствуют себя свободными принять или отвергнуть советы, которые они получают. Они принимают *личное* решение и берут на себя *личную* ответственность за него. Если дело принимает дурной оборот, они не винят других за то, что дали им плохой совет. Руководствуюсь ли я этим принципом?
- ✓ Умею ли я рисковать? Стараюсь ли преодолевать страх перед возможной неудачей?
- ✓ Понимаю ли я, что «научное принятие решений» – это миф, и что болезненная жажда уверенности ограничивает мою эффективность и подрывает доверие со стороны моих коллег?
- ✓ Благоразумие – способность принимать верные решения – требует решительности. Выполняю ли я свои решения быстро и авторитетно? Понимаю ли я, что если решение вызывает противодействие, то очень часто это означает, что решение было как раз хорошим и своевременным?

Мужество

- ✓ Мужество начинается тогда, когда я испытываю свою совесть посредством искренних и систематических поисков истины. Понимаю ли я это?
- ✓ Знают ли люди вокруг меня, во что я верю и каковы мои ценности? Отказываюсь ли я поддаться модным течениям? Пытаюсь ли я не обращать внимания на то, что люди могут думать или говорить обо мне?
- ✓ Всегда ли поступаю последовательно? Всегда ли я верен своей совести? Отказываюсь ли я поступать безнравственно и оправдывать свою безнравственность всеобщей безнравственностью (классический аргумент «все так делают»)?
- ✓ Держусь ли я избранного курса?
- ✓ Привожу ли я все свои проекты к должному завершению, заботясь о деталях?
- ✓ Мое упорство – принципиальная непоколебимость или ослиное упрямство?
- ✓ Поступаю ли я смело? Умею ли я идти на риск?
- ✓ Реализую ли я свои мечты посредством упорной работы или, напротив, посредством ослепительных слов и жестов?

Самообладание

- ✓ Самообладание создает в сердце лидера пространство для других людей и для идеала служения. Сознаю ли я это?
- ✓ Делаю ли я обычно то, что *нужно*, или то, что *приятно*?
- ✓ Делаю ли я обычно то, что *важно*, скорее, чем то, что *срочно*?
- ✓ Посвящаю ли достаточно времени важным вопросам, таким, как мое духовное и профессиональное воспитание, духовное и профессиональное воспитание персонала, долгосрочное планирование?
- ✓ Остаюсь ли я всегда спокойным, даже в самых трудных обстоятельствах?
- ✓ Пытаюсь ли я убеждать, а не побеждать? Принимаю ли я обычно возражения оппонентов спокойно и учтиво?
- ✓ Отказываюсь ли я стать рабом денег, власти, плоти, своей репутации?
- ✓ Бескорыстие (непривязанность к материальным благам) и чистота (целомудрие) – это два крыла, на которых лидеры возносятся на высоту, подобно орлам. Понимаю ли я это?

Справедливость

- ✓ Мы практикуем справедливость, когда мы как можно лучше осуществляем свои профессиональные, семейные и социальные обязанности. Понимаю ли я это?
- ✓ Стремлюсь ли я к совершенству в работе? Смотрю ли я на свой труд как на служение всему обществу?
- ✓ Ценю ли я семейную жизнь? Понимаю ли я, что любовь к работе и трудоголизм – это разные вещи? Понимаю ли я, что семейная жизнь – это источник силы, поскольку способность к самоотдаче и взаимодействию – это качества, которые очень нужны лидеру?
- ✓ Практикую ли я обычно правдивость, искренность и простоту? Избегаю ли я всякой искусственности, деланности, официозности, педантизма и хвастовства? Отказываюсь ли я «играть роль»?
- ✓ Умею ли я стоять за нравственную истину, даже если она «политически некорректна»?
- ✓ Понимаю ли я, что «презумпция виновности» – это категория, присущая малодушным людям? Понимаю ли я, что настоящий лидер предпочитает рисковать, доверившись бессовестному обманщику, чем отказать в доверии тому, кто его заслуживает?

- ✓ Понимаю ли я, что поскольку человек – это личность, я не могу быть справедливым к нему (воздавать ему должное), кроме как любя его?
- ✓ Культивирую я дружбу или «отношения»? Понимаю ли я, что дружба – это синоним служения?

Постскриптум 2 – Ответы на критику

А теперь я попытаюсь дать ответ критикам моей первой книги «Нравственное лидерство».

Меня критиковали за то, что я основываю свою систему лидерства на нравственных понятиях, постижимых только европейцами.

На самом деле, нет нравственного понятия более универсального, нежели добродетель. Нравственная традиция Дальнего Востока основана на тех же интуициях, как и аристотелевская этика¹. Человек (по-китайски «жэн», по-японски «джин») становится человеком, практикуя добродетель. Человек, лишенный добродетели (фей-жэн, хи-нин) – это «не-человек». В иероглифическом письме это понятие выражается двумя идеограммами: идеограммой, представляющей отрицание и ложь (внутренняя дезинтеграция), и идеограммой, представляющей человека:

非人

Я не был удивлен, когда через несколько месяцев после первого издания «Нравственного лидерства» я узнал, что китайцы уже перевели половину моей книги. Неевропейцам трудно понять не античную, а современную европейскую философию, которая началась с Декарта и кульминировала с Кантом.

¹ Cp. Yu, Jiyuan. *The Ethics of Confucius and Aristotle: Mirrors of Virtue*. New York: Routledge, 2007.

Меня критиковали за то, что я не соблюдаю традиционную схему, по которой великодушие является частью добродетели мужества, а смирение – частью добродетели самообладания.

Не я первым отказался от этой схемы. Многие философы заметили, что делать великодушие частью мужества искусственно¹, а делать смирение частью самообладания – произвольно². Подобных классификаций нет у Аристотеля³, и хотя в них есть определенная логика, они лишены всякого практического интереса⁴.

Меня критиковали за то, что в моей системе благоразумие (практическая мудрость) не является специфичной добродетелью лидера. На самом деле, благоразумие есть *фундаментальная* добродетель лидера (как и мужество, самообладание и справедливость), но она не *специфична* для лидера. Без благоразумия лидерство рухнет, но лидерство рождается не из благоразумия, а из великодушия.

Благоразумие – специфичная добродетель лиц, принимающих верные решения. Но человек, принимающий верные решения, не обязательно является лидером. Он является лидером,

¹ «Хотя Фома Аквинский не разорвал связь великодушия с мужеством, он в максимальной степени свел эту связь к минимуму. В своей *Summa Theologica* II. II. 140, 2 ad 1, Фома дает нам понять, что связь великодушия с мужеством искусственна», утверждает Р. А. Готе, величайший томист XX века (Ср. R. A. Gauthier, *Magnanimité...*, p. 363).

² «Правда, Фома Аквинский связывает смирение с самообладанием. Но мы не должны ошибаться: эта классификация во многом произвольна», пишет Р. А. Готе вслед за Р. П. Сертиланжем, томистом мировой известности (Ср. R. A. Gauthier *Magnanimité...* p. 460 и R. P. Sertillanges, *La Philosophie morale de Saint Thomas d'Aquin*. Nouvelle édition, Paris, 1942, p. 353).

³ Эти классификации впервые появились в учении философа-стоика Хрисиппа (280-206 до н. э.), сделавшего великодушие частью мужества, и в трактате *De passionibus*, ошибочно приписанном Андронику Родосскому (1 век до н. э.), сделавшему смирение частью самообладания.

⁴ Ср. R. A. Gauthier. *Magnanimité*, p. 363.

если он обладает великодушием и смирением. Решения лидеров – решения, позволяющие людям достичь величия, – всегда великодушны и смиренны, а не просто благоразумны.

Меня критиковали за то, что в книге о лидерстве и самосовершенствовании я говорил о Христе и христианстве.

По правде сказать, если бы я в своей книге не говорил о Христе и христианстве, я бы продемонстрировал интеллектуальную бесчестность и неблагодарность. Более того, я бы совершил нечестие.

Интеллектуальную бесчестность – поскольку Иисус Христос есть совершенный образец лидерства, совершенный образец великодушия и смирения; неблагодарность – потому что без помощи христианской философии и богословия я бы не смог написать «Нравственное лидерство». Нечестие – потому что моя система обратилась бы в очередной дьявольский фокус.

Нечестие – это то, чего я более всего боялся. Когда я чувствовал искушение исключить Христа и христианство из своей системы, я вспоминал «Краткую повесть об Антихристе» Владимира Соловьева. Написанная в 1900 году, за несколько месяцев до смерти автора, эта повесть рассказывает о «замечательном человеке», который появится в начале XXI века в «европейских соединенных штатах» и выработает план «вселенского мира и благоденствия», который всем понравится и даст ему большую известность и власть. Этот план основан на христианских ценностях, но в нем *ни разу не упомянуто о Христе*. «Замечательный человек» – это,

конечно, Антихрист. Написать книгу, во многом внушенную христианскими идеалами, и не упоминать в ней Христа – значит в определенном смысле присоединиться к Антихристу. После 2000 лет христианства говорить о человеке, его величии и призвании к совершенству, не говоря при этом о Христе, – значит высказаться *против* Христа: из убеждения, подобно фарисеям, или из страха, подобно толпе, требующей Его распятия.

Меня критиковали, но критика меня не удивила. «Нравственное лидерство» – не обычная книга. Она неизбежно шокировала тех, кто не хочет или не может изменить свой застывший образ мышления. Зато меня удивил энтузиазм, который она вызвала во всем мире, в том числе в Западной Европе, где антихристианские предрассудки до сих пор очень сильны. Между 2007 и 2017 годом «Нравственное лидерство» было переведено на 20 языков мира.